

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

МИХАИЛ ДОРОХОВ

ДОРОГА В РАЙ

ИДДК

Михаил Ильич Дорохов
S-T-I-K-S. Дорога в рай
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Миры Артёма Каменистого»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66962338
S-T-I-K-S. Дорога в рай: ИДДК; Москва; 2021

Аннотация

С утра проснулся в квартире красивой девушки, а через три часа уже дважды чуть не умер? Что делать, если ты попал в чужой и жестокий мир, полный монстров, желающих тебя уничтожить? На твоих плечах груз, шанс выжить с которым – один на миллион. И вдобавок, у тебя в «отряде» одно из самых главных сокровищ этого мира, которое нужно абсолютно всем, кто способен стрелять и думать. Осталось лишь сжать зубы и цевьё автомата, и не отступать со своего пути, чего бы это не стоило...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	59
Глава 4	89
Глава 5	104
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Михаил Дорохов

S-T-I-K-S. Дорога в рай

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Дорохов Михаил

© ИДДК

* * *

Глава 1

Роковой рейс

У каждого рано или поздно случается такой телефонный звонок, который делит жизнь на периоды «до» и «после». Естественно, его не ждут. А некоторые и не осознают, что после него начинается совсем новый этап жизненного пути. Вот и Максим не мог себе представить, что мимолётная просьба станет началом смертельного приключения.

Мобильник назойливо зажужжал, выдавая пронзительную трель и стараясь скатиться со столика от вибрации. Ивернев разлепил глаза и с ощущением непреодолимой тяжести в руках стал лихорадочно шарить по журнальному столику в поисках орущей трубки. Нашёл. Нажал кнопку приёма вызова.

– Да...

Свой голос Максиму показался севшим и надсадным. Посмотрев на часы, он мгновенно понял, что проспал. Он широко раскрыл глаза, потягиваясь в кровати и стараясь придать своей речи более бодрый оттенок.

– Слушаю!

– Максим, ты чего, проспал? – на том конце провода слышался взволнованный голос дяди Бори – давнего соседа Ивернева, который ещё помнил Максима маленьким.

– Нет, Борь Саныч. Ну, точнее, немножко. Но уже одеваюсь и выхожу, – без стеснения приврал Максим, садясь на кровати и потирая занемевшую от неудобной подушки шею. Вот любит же Карина на десяти перинах почивать; а ему привычнее что-то более практичное и простое. Но тут уж выбирать не приходится: не у себя же дома ночует. А раз позвали – будь добр не выпендриваться.

– Максим, только не опаздывай туда, ради Бога. В прошлый раз я на десять минут задержался – так двое охламонов успели в лес свинтить покурить. Чуть не спалили весь Старожатенский массив к чертям собачьим.

– Ого... – неопределённо выдал Ивернев, вспоминая большой лес в двадцати километрах от города.

– Вот тебе и «ого». Они ж там все на учёте стоят поголовно. Оставишь ненадолго без присмотра – всё, пиши пропало!

– Да понял я, понял, Борь Саныч. Не опоздаю, не бойтесь, – молодецкато успокоил старичка Максим, щурясь на часы и начиная понемногу нервничать.

– Хорошо. Ты всё помнишь, да? Ключи от «Газели» у Митрофанова получишь – он сегодня сторожем. Я его предупредил о тебе. А я поеду за дочкой тогда. Спасибо ещё раз, Максим, выручил старика!

– Да было бы за что, дядь Борь. Кто там хоть – мальчик или девочка? А то я как-то не спросил у вас – раз только и виделись, как вернулся с командировки.

– Деваху родила. Ага. Здорово-овая! Три девятьсот почти.

– Ого!

– Да там и батя немаленький у неё. Зятя Бог здоровьем не обидел, мозгами только обделил паршивца. Но тут уж ничего не попишешь...

– Бывает, – только и осталось согласиться Иверневу, влезавшему в футболку поочерёдно то одной, то другой рукой и перекладывавшему телефон от уха к уху.

– Всё, Максим, давай, удачи там тебе. Построже с этими хитрюганами. Им палец в рот не клади – голову откусят. Доедешь обратно до детдома – ключи от машины отдашь всё тому же Митрофанову. Да и детей ему же – он их обратно определит куда надо. С меня причитается.

– Разберёмся, Борь Саныч. Не переживайте.

– Ну всё, Максимка, бывай, спасибо!

Ивернев отключил телефон и положил его сразу в карман штанов, чтобы не забыть. Встал, быстро влез в штанины и запаковался ремнём. Похудел. Надо подразнить Карину. Ходит, ходит к ней, а не толстеет: непорядок. Максим улыбнулся и наклонился к смуглой щеке, чуть прикрытой спутанными тёмными локонами, поцеловал; потом чмокнул в плечо, выглядывающее из-под ночнушки. Карина повернулась на спину потягиваясь. Под одеялом угадывалось налитое крепкое тело. У Максима чуть глаз не задёргался, ей-богу. Какие тут поездки куда-то, когда прямо перед тобою такое богатство: руку протяни – и утонешь в безумстве.

– Всё уже? Борь Саныч позвонил? Уходишь? – донёсся

сладкий сонный голос.

– Да, если всё нормально будет, часа через три уже вернусь. Не скучай.

– Угу, ходим сегодня куда?

– Сходим-сходим. Я побежал, а то опаздываю, а ты подумай пока – куда хочешь?

– Хорошо. Давай только не поздно. Мне ещё кучу тетрадок проверять – все седьмые классы.

– Так я ж говорю – буду скоро. Сразу тогда и пойдём.

Максим поцеловал в подставленные сложенные трубочкой сочные губы и пошёл к двери, на ходу проверяя карманы – всё ли взял. Ключи свои, ключи от Каринкиной квартиры, мобильный, зажим для денег, сигареты, зажигалка, права. Уже влезая в полуботинки и накидывая ветровку, он услышал, как девушка включила телевизор в спальне, захлопнул за собой дверь и пошагал во двор.

Настроение было приподнятое. Пусть даже часть выходного Максим должен будет потратить на выполнение просьбы Бориса Александровича – это не беда. Поправочка – не своего выходного. У него-то теперь три месяца отпуска после вахты на севере. Сегодня воскресенье, а значит, его бывшей однокласснице Карине завтра на работу в школу: она учительница русского языка и литературы или, как по молодости таких в университете называл Максим, «филология». Между прочим, подобное обращение почти всем девчонкам филфака нравилось. Ну ведь и правда же – похоже на боги-

ню.

Жизнь помотала Ивернева изрядно. В каком-то смысле он был действительно «уникальный сангвиник», как его в шутку называла преподавательница психологии в ВУЗе. Он брался абсолютно за всё и загорался всем, но так же быстро охладевал ко всем увлечениям. Получив параллельно два образования, он поработал совсем недолго в школе, пробыл шесть лет в армии. Не срослось, хоть и прошёл две горячие точки – пусть одной из них и коснулся только вскользь. Так, обеспечение безопасности конвоев. Ивернев нанимался на прииски, рыбачил на траулере в Северном Ледовитом. Пытался даже намотить небольшой бизнес с товарищем в авто-сервисе, но не выгорело. Напарник втайне проворовался и чуть не утянул за собой и Максима. Врагу такого товарища не пожелаешь.

В итоге последние два года Ивернев охранял на севере землю газодобывающих компаний: катался по периметру на снегоходе с карабином, морозил уши и пописывал анонимные рассказы да повести через «Самиздат». С Кариной он сошёлся в первый же отпуск. Не сказать, что это была любовь или даже серьёзные отношения. Просто бывшая одноклассница развелась с мужем: тот заарканил её на последнем курсе обещаниями в вечной любви и далеко идущими перспективами и ничего из своих обещаний не выполнил. В общем, увиделся Ивернев с ней на встрече выпускников. Присмотрелись друг к другу, поговорили, и завертелось. Теперь, при-

езжая на три месяца в отпуск в родной город, половину этого времени Максим жил у Карины. Очень уж ему понравились ярко-карие большие глаза девушки и спортивная фигура.

Борис Александрович работал водителем и одновременно слесарем при одном из детдомов города. Часть воспитанников младших групп в эту осень побывали в загородном лагере, и теперь нужно было забирать их обратно. Вот и попросил Саныч Максима сделать это за него в связи с прибавлением в семье и выпиской дочери из роддома. Дело хорошее, да и как не помочь другу родителей, пусть тех уже давно нет в живых? Доброе Ивернев старался помнить всегда.

Максим докатил до района, в котором находился детдом, на четвёртом маршруте автобуса, наблюдая по пути за вялой воскресной жизнью города. Сейчас все горожане толклись в торговых центрах и парках. Вот там был настоящий бедлам и скопление народа. Сетуя на то, что проспал и не успел даже крошки закинуть в желудок с утра, Ивернев углубился во двory, срезая путь до своей цели. Пройдя мимо недостроенных многоэтажек и словив несколько пристальных взглядов идущих мимо девушек, он приосанился, сам посмотрел в ответ. На внешность ему жаловаться не приходилось: русский, подтянутый, серые глаза, на лицо не красавчик, но и не орангутанг какой-нибудь завалящий.

А вот и искомое здание показалось. Кирпичная старая четырёхэтажка с большим двором за высокой стеной, грязновато-серые стены, верхние два ряда окон – пластиковые, а

те, что ниже – деревянные. Понятно: хотели, чтобы с улицы смотрелось более презентабельно при взгляде на верхние этажи. Да вот только через пару лет часть забора сделали решётчатой, и получилось всё зря. За оградой располагался двор с детской площадкой и турниками, дальше какая-то полоса препятствий, ветхие подсобные помещения и флигельки. Их капитальный ремонт не коснулся. Унылое было зрелище, заставляющее сердце сжаться. Отовсюду тянуло какой-то обветшалостью. Около ворот примостилась будка охранника, внутрь которой можно было заглянуть через задвигающееся окошечко. Максим постучал по исцарапанной и из-за этого уже не прозрачной заслонке. Она отодвинулась в сторону, и грубый скрипящий голос гаркнул:

– Слушаю.

– Ивернев. Максим. От Борь Саныча.

– Мм-м... Документ есть? Проходи... – уже проверив паспорт Максима, проскрипел седовласый охранник с брюшком, затянутым в типовую униформу.

Прихрамывая, он вышел из будки. Спустя несколько секунд послышался лязг сдвигаемого засова. В воротах из ядрёно-вишнёвого листового профиля открылась калитка, и охранник ещё раз крякнул:

– Проходи... Особое приглашение надо, что ли?

Максим переступил перемычку калитки в воротах и оказался во дворе. Гараж он определил сразу: только у одного строения были такие двери, в которые прошёл бы микроав-

тобус. Но всё же наглеть Ивернев не стал: субъект в форме сторожа дёрганный, нервный и в летах. С таким лаяться – себе дороже.

– Погоди, ключи забыл... – прогудел Митрофанов и скрылся на мгновение в будке, забренчав там связками ключей.

Затем сторож вышел, закрыл калитку на засов, подёргал зачем-то ворота и заковылял к гаражу, бросив через плечо:

– Пойдём.

Вдвоём они открыли железные, в разводах и потёках, старые створки. В темноте гаража отблесками солнца мигнули фары белой старой «Газели».

– Держи, – охранник протянул ключи от авто Иверневу.

Максим взял небольшой брелок сигнализации с несколькими ключами из китайского мягкого железа. Видать, замки на «Газели» переставляли не раз. Микроавтобус единожды мигнул габаритами, и Ивернев полез на место водителя, попутно осмотрев салон. Пусто. Самые задние сидения откручены – не иначе как вещи и рюкзаки туда кидать. Вполне обычный старенький трудяга для перевозки людей и их поклажи. Максим прокрутил ключ зажигания. «Газель» вздрогнула и медленно выкатилась, поскрипывая и побряхтывая, во двор детдома.

Митрофанов закрыл обшарпанные двери гаража и неторопливо направился к воротам. Максим нервно барабанил пальцами по рулевому колесу. Как-никак он может опоздать,

а Борь Саныч и по телефону, и в прошлый раз при встрече действительно напряг своими рассказами, на что готовы детдомовцы, если их оставить без присмотра. Понятное дело, что добрая половина этих баек была преувеличением, но тем не менее следовало поторапливаться.

Ивернев терпеливо дождался, пока обе створки ворот разъедутся в стороны. «Газель» выкатилась с территории детдома и, подпрыгнув на «лежащем полицейском», нырнула на соседнюю более широкую улицу. Максим снова привыкал к габаритам автомобиля. В принципе, ничего сложного – он и грузовики водил раньше. Но всё же следовало двигаться осторожно – практики кататься на микроавтобусах у него не было уже давно.

Осень ещё не вступила в полные права, когда походя пре-вращает в слякоть всё вокруг. Поэтому дорога была сухая, и микроавтобус бодро добежал по извилистым улочкам до края плотной застройки, а затем выскочил на загородное шоссе. Теперь дело пошло более споро.

Максим опустил стекло и, наслаждаясь свежим ветерком, катил ещё где-то минут десять, пока не почувствовал странный запах. Тянуло чем-то кисловатым. Отдалённо все эти флюиды идентифицировались как что-то болотное и сырое – по крайней мере, именно такая ассоциация возникла в голове Ивернева. Выброс, что ли, какой? Так вроде и не было заводов с этой стороны города. Неужто дотянуло с другого конца городка? Он у них, конечно, не так чтобы и большой,

но застроен не впритык, из-за чего пролететь быстро за полчаса не удастся. Ветер несильный, а значит, и запах идет от источника, который находится недалеко. Пришлось закрыть окно. Начала быстро собираться какая-то дымка.

«Газель» свернула в посадку, и, задребезжав следующей передачей, пошла по разбитому асфальту в сторону детского лагеря. Через пять минут микроавтобус вкатился в небольшое село и, проскочив его, подъехал к воротам детского лагеря. Решётчатый забор открывал взгляду все цвета жёлтого и красного – ещё не опавшие листья на деревьях бросались в глаза, из-за чего небольшие домики вожатых и отрядов с первого взгляда были не заметны среди обильной растительности. Вдалеке виднелось подобие стадиона и единственное двухэтажное здание, поделённое на два корпуса – администрация и актовый зал. По дорожкам сновали редкие люди, перетаскивая какой-то скарб: судя по всему, работники и вожатые. Лагерь закрывался на месяц для ремонта. Детдомовцы были в последней смене.

Максим дважды нажал на клаксон, просигналив будке около ворот. Пригляделся: пустая. Из ближнего домика вышел мужичок в униформе охранника, похожей на одежду Митрофанова. Было в его походке что-то развязное и ослабленное; Ивернев грешным делом подумал, что мужик с вечера принял на грудь – очень уж у него был отсутствующий вид. Охранник подошёл к воротам, скользнул взглядом по лицу Ивернева, затем прищурился на номер авто и, нако-

нец, деловито поинтересовался:

– А Саныч где?

– Дочку из роддома забирает, – коротко ответил Максим, не убирая рук с руля. Не хотелось торчать перед воротами всё время. Он посмотрел на механические часы «Спутник» на левой руке. Вроде бы успел (пять минут опоздания не в счёт), но ценой завтрака. Желудок от этой мысли предательски заурчал.

– О как, разродилась, значит... Ты, получается, за него? – задал охранник бестолковый вопрос, по-прежнему взирая на Иверневу из-за решётки ворот и даже не думая их открывать.

– За него, за него, – нетерпеливо ответил Максим и добавил: – Нужно какие-то документы показать вам? Спешу.

Очень уж хотелось ускорить процесс пропуска, а вот охранник, похоже, тормозил конкретно. Либо у них тут всё строго, во что Ивернев откровенно не верил.

– Ну да-а-а, ну да... – неопределённо протянул охранник и зачем-то произнёс: – Я Павел Валерьяныч, ага...

Он уставился на Максима. Вот же медленный индивид попался. Как будто с утра пил не кофе, а тормозную жидкость; либо нездоровится ему. Вон какой бледный, а щёки при этом красные, как раскалённый металл. Как бы не сердечко шалило... Ивернев внимательно присмотрелся к Валерьянычу, опустил стекло, свесившись на борт «Газели», поймал блуждающий потерянный взгляд охранника и медленно, с расстановкой проговорил:

– Пал Яныч, меня дома ждут, давай я уже заберу детей и отвезу в детдом. Нужны документы какие? Так ты посмотри и пропусти. Вот список – кого я должен забрать, – Максим помахал листком с печатью, который дядя Боря предусмотрительно оставил в машине. В списке было всего четыре фамилии – остаток смены.

Подул ветер, и в нос снова ударил кисловатый запах, который преследовал Ивернева на шоссе. Вот же напасть. Максим даже невольно огляделся по сторонам. Откуда ж так несёт? Показалось, что над деревьями тянется какая-то зеленоватая дымка. Может, где что горит – химикаты какие-то? Дачники или фермеры иногда балуются разными удобрениями.

Охранник между тем нерешительно попереминался с ноги на ногу и вдруг, резко качнувшись, стартанул к машине. Чудной мужик, ей-богу. Перед решёткой Павел Валерьянович остановился как вкопанный, будто впервые её увидел, затем поднял ослотившиеся глаза на Максима и нахмурился. На лице его отобразилась такая гримаса, словно охранник совершал невероятное умственное усилие. Руки неуверенно потянулись к заглушке ворот. Максим выдохнул – створки наконец-то подались в стороны, влекомые собственным весом.

«Газель» рыкнула, дёрнулась на воткнутой передаче, и пошуршала покрышками по дороге в сторону административного корпуса. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Максим

удивлённо отметил тот факт, что охранник просто тупо постоял рядом с распахнутыми воротами, а затем развернулся и пошёл к себе, так и оставив их нетронутыми. Называется, заезжай кто хочешь. Станный он.

По пути встретились несколько вожатых, которые повернулись полукругом, провожая задумчивыми взглядами микроавтобус. Ивернев усмехнулся. Похоже, в последний вечер у костра персонал очень неплохо принял на грудь, празднуя скорый отпуск и завершение смены.

На небольшой парковке рядом с двухэтажкой центрального здания, где обычно разворачивались автобусы с детьми, был только дворник. Он подметал редкую листву. Деревья ещё не начали обильно сбрасывать свои наряды, и поэтому весь лагерь пестрел яркими красками. Максим, чтобы не закрывать старичку фронт работ, остановил авто на краю парковки, где уже не было листвы, высунулся из дверцы и крикнул ему:

– Доброе утро! Не подскажите – где тут двенадцатый отряд можно найти?

Старичок перестал мести и с подозрением уставился на Ивернева:

- Детдомовцев, что ли?
- Их, их! – энергично закивал Максим.
- А ты кто такой будешь? – пробурчал собеседник.
- За Борь Саныча я сегодня, довести до детдома надо их, – уже в очередной раз за день объяснил Ивернев.

– Список с тобой? – поинтересовался старик.

– Со мной. Вот. – Максим быстро подхватил распечатку и вылез из авто, хлопнув за собой дверь. Похоже, наконец-то попал на дельного собеседника.

Он подал список старичку. Тот принял чуть мятый листок, пробежался по нему глазами, вздохнул и проговорил:

– Второй домик за актовым залом, не ошибёшься. Там все, и вожатая их тоже там. Иди. За Санюча не забудь черкануть – он должен расписываться, когда забирает детей.

– Понял. Спасибо! – горячо поблагодарил старичка Ивернев, радуясь, что ему встретился хоть один расторопный человек за этой день. Все как сонные мухи, да и запах этот химический... Максим, конечно, не был паникёром и не трясся за здоровье, но убираться отсюда стоило побыстрее. Нюхать химикаты – то ещё удовольствие. И как только ещё поше не дали любителям жечь эту гадость – рядом же детский лагерь как-никак.

Поставив «Газель» на сигнализацию, Максим двинулся в сторону дорожки, огибающей административное здание в той части, над которой красовалась большая красная надпись «Концертный зал». Он прошёл по разбитому асфальтовому покрытию у подъезда к заднему входу, обошёл куски прошлогоднего рубероида, валявшиеся бесформенной кучей за теплушкой – типичный задний двор любого учреждения.

Как только Ивернев обошёл здание, то увидел ряды до-

миков, расположенных друг от друга на одинаковом расстоянии. Все – ярко жёлтого цвета, с зелёной крышей, однако в первых двух рядах стояли только крайние дома, а вместо центральных простиралась большая клумба. Всё правильно сказал старик, увидеть второй домик было легко. Максим обошел клумбу, тачки с какой-то пожухлой травой, первый домик – уже закрытый и опечатанный; затем поднялся на крыльцо второго «скворечника», как непроизвольно про себя окрестил эти постройки. Он легонько постучал в дверь, и из-за неё послышался мелодичный и очень приятный женский голос:

– Сейчас-сейчас.

Дверь отворилась, и на пороге возникла немного заспанная молоденькая девушка с симпатичным лицом: белокурая, сероглазая и худенькая. Порывистые и чёткие движения выдавали в ней человека тренированного и физически активного. Спортивная юбка до колен бежевого цвета, красная футболка с неглубоким вырезом на пуговицах и эмблемой лагеря – типичная униформа вожатых.

– Ой... – остановилась она в дверях, удивлённо взирая из-под больших ресниц на Ивернева, который невольно залюбовался незнакомкой.

– Я за детьми, – поспешил прийти ей на помощь Максим.

– А... Да, просто обычно... – протянула девушка, явно слегка смутившись под открытым и прямым взглядом мужчины.

– Я вместо Бориса Александровича. Вот документы. Вы уж извините, что я так с места в карьер, уже везде с утра объясняю одно и то же, – вымучено улыбнулся Ивернев.

При этом он не смог не посмотреть ещё раз на девушку. Ну что поделать – не удержался. Он ещё здоров и молод. Подсознание прямо-таки потребовало приглядеться к миловидной вожатой.

Девушка заметила этот взгляд и ещё больше смутилась, залившись краской:

– Да-да, я поняла. Давайте сюда список. Ребята, собирайтесь! Быстрее. За вами приехали! – это уже было сказано не Иверневу, а вглубь домика.

Там послышалась возня, и из-за боковой двери высунулось прыщавое лицо с совершенно отсутствующим видом, выдав ломающимся голосом:

– Что, всё? Я уж надеялся, тут останемся, а не в дурдом наш возвращаться.

– Андрей! – возмущённо вскинулась вожатая. – Быстро собирайся и остальных подгони. И где это вы тут планировали остаться? Лагерь через два дня заканчивает свою работу.

– Да нам-то что? Жрачку можно и у дачников найти, – хлюпнув носом, выдало прыщавое недоразумение.

– За дачников и за ваше мелкое воровство у них с вами ещё воспитатель побеседует в детдоме. Ему уже всё передали – вчера позвонили. Скажите спасибо, что Марь Семёновна не стала в милицию заявление писать.

– Стукачи, – презрительно сообщил мальчишка и нырнул за дверь.

За ней послышался его громкий голос:

– Собираем манатки, Бублик, шевели поршнями, вечно тебя ждать приходится.

Вожатая сокрушённо покачала головой и повернулась к Максиму.

– Я – Аля, – поправив прядь волос, кокетливо представилась она.

– Максим, – с улыбкой ответил Ивернев.

– Очень приятно. Тут такое дело – у меня тут есть один акт. Он для Бориса Александровича... – замялась девушка.

– Я за него могу расписаться! – поспешил заверить её Максим.

– Вот и отлично, – с явным облегчением выдохнула девушка. – Сейчас вынесу.

Она резко повернулась и, покачивая бёдрами, скрылась в боковой двери. Шлейф аромата фруктовых духов окутал Ивернева, защекотав ноздри и заставляя тело напрячься от волнения.

В кармане зазвонил телефон. Максим вытянул «лопату» и посмотрел на экран: Карина. Правду болтают, что женское сердце чувствует всякое на расстоянии. Мужикам до такой чудо-телепатии далеко. Ивернев усмехнулся и провёл большим пальцем по экрану, отвечая на вызов.

– Да?

– Ты скоро? – послышался в трубке томный голос Карины, от которого завибрировало где-то в груди.

– Да только ж в лагерь приехал, – удивился Максим. – Вот в данный момент детей забираю. Сейчас распишусь тут у их вожатой в документах, они дособируются, и поедем в город.

– Вожатой? – в голосе филологини явно зазвучали нотки ревности.

– Ну да, – бодро отрапортовал Ивернев, понимая, что зря выдал эту информацию.

Лишнее это, меньше знаешь – крепче спишь. А в случае Карины – крепче обнимаешь.

– Мм-м, красивая?

Точно ревность. И с каких это пор его одноклассница начала следить за ним? Знает же, что он за человек – сегодня здесь, завтра там. Послезавтра он, может, вообще куда-нибудь в Африку поедет на заработки, куда его звал один старый знакомый. Ну не может Ивернев сидеть на месте, не дано. Два-три года на одной работе – уже подвиг. И, тем не менее, стоило выкруливаться из этой ситуации, пока корабль не пошёл ко дну.

– Что за вопросы, Карин? Ты чего? Я же сказал, распишусь, иду в машину, жду детей, и едем, – нетерпеливо проговорил Максим, подпуская возмущения в голос.

– И куда пойдём? – лукаво спросили на том конце провода.

Вот же хитрюга. Ивернев попытался вывернуться:

– Куда скажешь.

– Выбирай ты. Я должна знать, как мне краситься и куда одеваться.

Н-да. Придётся озвучивать всё вслух.

– Ну, давай в ресторан. Или в кино. Если хочешь – и туда и туда, – ответил Максим.

– Всё. Поняла, хорошо. Давай, жду, целую! – уже совершенно спокойным голосом проговорила Карина.

Вот так вот. Позвонила, заставила во всеуслышание выдать, что он устраивает некоей женщине вечером культурную программу, и положила трубку. Шах и мат.

Ивернев опустил телефон в карман и поднял глаза на Алю. Оказывается, она уже стояла перед ним, держа в руках планшет с несколькими листами на нём. А вот глаза уже не такие тёплые, отстранённые. И совсем не смущается, как прежде. Видно, слышала весь разговор – чай, дверь осталась не закрытой.

– Держите, расписаться здесь и здесь. Я тут уже всё заполнила и тоже отметку сделала о том, что дети уезжают, – протянула она Максиму планшет с ручкой.

Как пить дать, слышала всё. Держится сухо, и ни намёка на кокетство.

Максим принял листы и ручку, приложил для удобства планшет к стене и дважды черкнул что-то, похожее на Б. А. в графе подписи. Пойдёт, решил он: всё равно это простые формальности для местной бюрократии. Затем Ивернев по-

вернулся к девушке и виновато пожал плечами:

– Ну, я, наверное, в машине подожду. На парковке, там белая «Газель» стоит.

– Да, хорошо. Я их потороплю и передам, куда идти, провозу до здания администрации, – заверила девушка и добавила: – Приятно было познакомиться.

– И мне, – кивнул Ивернев, уже разворачиваясь к выходу.

Кислотный запах на улице не исчез, а вроде даже немного усилился. Но – то ли Максим уже привык к нему, то ли был поглощён своими мыслями – теперь это обстоятельство не раздражало. Пройдя по дорожке и вернувшись к микроавтобусу, он открыл для погрузки боковую раздвижную дверь, затем взгромоздился боком на сидение водителя, свесил ноги на подножку и достал пачку сигарет. Саныч курил в машине, когда был в ней один, поэтому Ивернев посчитал себя вправе тоже так делать. Он вытянул зубами сигарету из пачки, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся. А хорошо тут, тихо, спокойно. Прямо воспоминания о детстве нахлынули: как они бегали с Розкой из соседнего отряда за акации в почти таком же лагере.

– Дядя, угостишь сигаретой?

От неожиданности Максим чуть не поперхнулся. Он оглянулся назад. У отодвинутой боковой двери стоял всё тот же прыщавый подросток и исподлобья глядел на Ивернева. Как там его? Вроде Андреем кличут.

Теперь он рассмотрел мальчика получше: зелёные глаза,

смуглый, длинный, худой, как Кощей, коротко стриженный – вон золотистый ёжик пробивается. В испачканной уже где-то футболке и джинсах с чёрными кроссовками, на поясе небрежно повязана старая спортивная куртка. О как: на улице прохладно, из носа капает, а он хорохорится. И перед кем? Похоже, что перед всеми подряд.

За ним жались ещё трое помладше: двое пацанов и совсем маленькая девочка. Судя по всему, не так уж намного их младше, просто росточком не вышла – до смешного маленькая пигалица. Глаза у всех опасливые, с не по-детски пристальным взглядом. Н-да. За такими и правда глаз да глаз нужен. Ивернев был готов поспорить, что и здесь в лагере они держались всю смену особняком.

– Рано тебе курить, – коротко бросил Ивернев.

– Тебе-то что, жалко? – поинтересовался старший, всё так же угрюмо рассматривая Максима, словно бы прощупывая, кто перед ним сидит.

– Мне отравы не жалко, – ухмыльнулся Ивернев. – Да только тебе не дам.

– А Борь Саныч угощал, – настойчиво гнул своё мальчишка.

Признаться, Максиму было всё равно. Ну не был он нянькой сложным подросткам и детям. Он и обычным детям не был нянькой. Не случилось как-то ему встретить на жизненном пути ту единственную да семью с ней создать. Какое-то время подобное желание было, даже смотрел с умилением на

грудничков. Но сейчас он затолкал всё это куда-то далеко в сердце. Наверное, зря. А паренёк этот мог вполне обмануть и на понт взять – Саныча-то рядом нет.

– У Борь Саныча и проси. А я – как Минздрав, только хуже. Не предупреждаю, а не даю, – отрезал Ивернев.

– Ясно, непруха, – кисло протянул Андрей и добавил: – Ну, мы тогда полезли.

– Лезьте, – милостиво согласился Максим.

Вся четвёрка, кряхтя, начала паковаться в салон. Андрей сразу закинул рюкзак в конец «Газели» и устроился вполоборота на сидениях за водителем, чтобы смотреть на дорогу. А вот мальчишки помладше застряли ненадолго в дверях, отпихивая друг друга и ругаясь. Девчушка же просто юркнула мимо них в салон и нырнула на сидение рядом с Андреем.

– Эй, пигалица, – возмущённо протянул один из пареньков – темноволосый, заросший, более плотный из всех остальных. На нём была ярко-зелёная куртка – балахон и спортивные штаны.

– Ты чего это? – поддержал его товарищ в чёрном спортивном костюме, тут же позабыв про перепалку с пухлым.

– Бублик, отвянь, – цыкнул через зубы Андрей и добавил: – Давайте уже кидайте кости свои как-нибудь. Ждать вас, двух тормозов, тут ещё. Проморгали вы место...

Бубликом звали, по-видимому, более крупного и полного мальчишку в балахоне, потому как он сразу замолк и, примерившись, проскочил мимо товарища в салон, буд-

то только и ждал команды. Второй, недовольно бурча, что теперь ему придётся смотреть в боковое окно, а не в лобовое, нарочито медленно поднялся по двум ступенькам в «Газель». При этом он топал так громко, словно хотел показать этим высшую степень несогласия со всеми несправедливостями в жизни. Ответом ему было лишь молчание.

Максим не Борь Саныч – орать за топот не стал. Его делом было довести всех в целости и сохранности до детдома – а потом махнуть к Карине, и желательно не опаздывать, а то ещё заподозрит что-нибудь нехорошее.

Из разговоров молодёжи Максим понял, что маленькую девочку зовут Танюшкой, а обладателя козырного чёрного спортивного костюма – Вадиком. Ивернев послал окурок в бетонную урну, стоящую неподалёку, и захлопнул дверь.

– Задраить люки, – скомандовал он Бублику.

На удивление вместо него к выходу ринулась Танюшка, которая с натугой потянула на себя дверь и с громким хлопком закрыла салон. На её место тут же метнулся Вадик, снова влипнув в свалку с Бубликом. Танюшка насупилась и молча толкнула Вадика. Немая она, что ли? Не говорит совсем, но и не плачет. Максим не успел открыть рот, как Андрей ответил Вадiku мощный подзатыльник и гаркнул на него:

– Опоздал – не ерепенься. Вали отсюда к окну.

– Да ну вас, – с досадой и обидой выдал мальчуган и нехотя перелез на соседнее кресло. Танюшка залезла на своё «законное» место, встав на колени на сидишку и опершись ру-

ками на спинку. Она уставилась на Ивернева большими голубыми глазами, мол, чего ждёшь – заводи свою таратайку.

Максим лишь усмехнулся и провернул ключ зажигания. «Газель» зачихала, дёрнулась, и пошла по кругу, объезжая парковку. Ивернев уверенно вывел машину на дорогу к воротам и с удивлением обнаружил, что охранник до сих пор их не закрыл. Похоже, как ушёл к себе, так больше и не выходил к проезду. И ещё туман этот... Дымка казалась гуще. Или это из-за низины так выглядело? Нет, определённо тут поблизости что-то жгли.

Водитель притормозил около домика, из которого недавно выходил охранник, но никого не увидел ни в окне, ни рядом. Ну что ж, на нет и суда нет. Ивернев добавил газу, и микроавтобус пошёл по дороге через прилегающее к лагерю село. Осталось привезти детей – и можно рвать когти обратно к своей учительнице. Настроение у Максима улучшилось. Вот только он не знал, что раздолбанная ревушая «Газель» летит со своими пассажирами уже в совсем другую жизнь...

Глава 2

Смертельная угроза

«Газель» с рёвом нёслась по старому разбитому шоссе, подпрыгивая на кочках. За спиной Максима торчали три головы детдомовцев, пристально наблюдавших за дорогой. Мешать им Ивернев не стал: кто знал, какие фантастические картины сейчас проносились в голове ребятни. Он сам в детстве, когда ездил с отцом на его «Жигулях», представлял что машина – вовсе и не машина, а звездолёт, отец – пилот, а маленький Максимка – командир футуристического корабля с необычной формой, чудом повторяющей угловатые линии нестареющей классики.

Ещё один мальчишка, которому не хватило места за водителем, дремал около окна в середине салона, закинув ноги на соседнее кресло и прильнув к стеклу. Естественный отбор детства в чистом виде – кто успел, тот и сел смотреть в лобовуху на дорогу.

Мимо проносились другие машины, спеша по своим делам. Пару раз Иверневу помогали, предупреждая о постах дорожно-патрульной службы. В таких случаях он заставлял детей садиться нормально и не отвечивать перед окнами. Насчёт скорости можно было не беспокоиться – чтобы серьёзно разогнать старый рыдван, нужно было основательно

постараться.

А вот дорога была всё ещё затянута зелёной дымкой. Запах какой-то кислоты был ощутим даже на ходу. Ивернев удивлённо крутил головой по сторонам: такого тумана он в родном городе и его окрестностях ещё не наблюдал ни разу. Нет, когда работал раньше по командировкам и мотался по стране – разного насмотрелся, в том числе и естественной дымки на гнилых озёрцах в предгорьях Алтая. Но здесь такое было нонсенсом.

Максим решил включить радио и прокрутить станцию, на которой всегда оперативно вели сводку метеоусловий и пробок в городе. К его удивлению, радиоприёмник выдал лишь фон помех. Странно, вроде дядя Боря любит слушать всякие хиты своей молодости. Настройки, что ли, сбились?

– Андрей! – позвал Ивернев, сбавляя ход.

– Чего? – безразлично выдал старший.

– Разбираешься? – Максим постучал пальцем по магнитоле.

– Могу, если надо... – неопределённо ответил прыщавый.

– Давай лезь сюда, настрой. А то мне неудобно, – проговорил Ивернев и тут же добавил, видя оживление мальчика: – Только потом обратно ползи. Усёк?

– Усёк, – расстроено протянул Андрей.

Впрочем, медленнее его движения от этого не стали.

Мальчишка перелез на сидение рядом с водителем и закрутил тумблеры на старенькой магнитоле. Спустя минуту

он нахмурился и закусил язык от напряжения. Сзади его подначивали Бублик с Вадиком, комментируя действия своего предводителя, что-то подсказывая и попутно посмеиваясь над ним.

– Что там? – нетерпеливо спросил Максим, осматриваясь по сторонам.

«Газель» ехала в большой низине, и поэтому зелёная завеса уже стала настолько сильной, что Иверневу пришлось включить дальний свет. Движение он благоразумно замедлил. Нет, определённо что-то здесь было не так.

– Да ничего, дядь Максим... – пробубнил старший.

О как. Видно услышал разговор вожатой и Ивернева и запомнил, как зовут.

– О-о-о! Дай я, ты ваще-е-е ноль... Тоже мне... – загомонили мальцы за спиной, начиная распускать перья.

– Ша! – прикрикнул на них негромко, но авторитетно Ивернев и,ждавши общего затишья, обратился к старшему:

– Жаль, конечно. Ладно, Андрей. Лезь назад, – кивнул в сторону салона Максим.

– Не, ну я, что мог... Она реально ничего не ловит. Старё такое, – с досадой затанул прыщавый.

– Лезь-лезь. Зубы мне не заговаривай.

– Да понял я... Вадик, скройся, нарисовался тут – не сотрёшь... – Это уже прозвучало в адрес товарища, который занял место Андрея, пока тот пытался разобраться с магни-

толой.

Ивернев покрутил для верности тумблеры туда-сюда ещё несколько раз. Никакой реакции, радиотишина. А если быть точным – одни помехи.

В этот момент идущий впереди и справа грузовик резко ускорился и вломился на полном ходу в легковушку, которая двигалась прямо перед ним. Иномарку просто выплюнуло из-под колёс пятитонки куда-то вбок, и она загрохотала в кювет, переворачиваясь на ходу и нещадно оглашая окрестности скрежетом металла и звоном разбитых стёкол. Ивернев мысленно похвалил себя за то, что поехал медленнее, и начал оттормаживать. Впрочем, как и почти все вокруг. Он остановился и вылез из «Газели», поставив её на аварийку.

– Всем сидеть и не высовываться. Ясно?

– Ясно, – вразнобой ответили мальчишки. Танюшка молчала.

– Андрей, ты за старшего.

– Понял, – приосанился прыщавый.

Оно и так понятно, что он у них авторитет в силу возраста и силы. Но подчёркивая этот факт, Ивернев делал ставку на то, что теперь малец будет работать дополнительно на свой статус перед ним; ну, и всячески охранять данное взрослым право быть главным и руководить всеми.

Обойдя «Газель», Максим увидел, что легковушка пострадала не одна. Грузовику, конечно, хоть бы что, бампер только подрало основательно. А вот сзади в него, не успев

затормозить, хорошо воткнулся джип. Капот пошёл гармошкой, из-под него валил дым. До салона смертельная ударная волна не дошла – вон и водитель вылез. Лоб разбил, но держался молодцом, отмахивался от предлагающих помощь и что-то кричал, показывая вниз в поле, где валялась на крыше легковая. Видно, звал помочь.

Максим побежал в сторону иномарки. Уже издали он увидел, что с неё текло всё что можно. На машине до сих пор крутились колёса, двигатель ревел, как загнанный, периодически громко фыркая. Со стороны пассажира всё было плохо – там виднелась какая-то бесформенная окровавленная кукла, отдалённо напоминавшая человека, которым когда-то и была.

Легковушка от удара ушла боком под колесо грузовика, и пассажира протащило больше всего. Водитель же висел на ремне безопасности. С его запрокинутой головы капала кровь, руки вцепились в рулевое колесо. В иномарке не осталось ни единого стекла: вылетело всё, включая фары. Правая сторона вообще превратилась в месиво.

Вместе с Максимом ещё несколько мужиков принялись отирать дверь со стороны водителя; замок где-то погнуло, и её смогли оторвать только чудом. Ивернев уже думал вытаскивать пострадавшего через окно, но справились и так. Мужчину отсоединили от ремней и принялись разжимать сведённые на руле пальцы рук, затем смогли вытащить наружу. Внутри у Максима шевельнулась надежда: был бы труп

– с высокой вероятностью мышцы бы так заклинило, что от рулевого колеса отдирали бы намного дольше. Один из помогающих быстро пощупал пульс бедолаги и коротко крикнул куда-то в сторону дороги:

– Люда, мои инструменты!

– Вы врач? – ввернул кто-то отчаянный вопрос.

– Да, хирург, – глухо буркнул мужик, бросая взгляд в сторону пассажира, – Проверьте его, хоть и... В общем, давайте.

Судя по его голосу, для себя он уже оценил состояние второго пострадавшего, и было оно, естественно, неудовлетворительным.

Максим дёрнулся к машине. Колёса уже не крутились: когда достали водителя, убрали и ногу с педали газа, которую он зажал перед тем, как отключиться. Пробовать открыть дверь со стороны пассажира не было смысла – там металл вообще превратился в одну сплошную сюрреалистическую конструкцию.

Ивернев нырнул в салон и осмотрел труп – сомнений в этом не было, настолько было изломано тело несчастного. Максим всё же проверил пульс: нету. Море крови вокруг, но невозможно установить откуда. Максим вылез из салона и чертыхнулся, увидев, что край куртки обильно макнулся в густую тёмную кровь. Затем Ивернев обернулся к хирургу, который неотрывно возился с водителем, взяв в помощники небольшого коренастого мужичка.

– Здесь всё... Пульса нет.

– Точно? – прогудел врач.

– Без шансов, – глухо подтвердил Ивернев.

Его взгляд упал на стоящего рядом с перевёрнутой машиной худощавого болезненного парня. Тот смотрел в салон неотрывным взглядом и лишь слегка покачивался, как ковыль на ветру. Краска буквально отлила у него от щёк – того и гляди, хлопнется в обморок. Может, реагирует так на кровь?

Максим протянул руку и осторожно прихватил паренька за плечо:

– С вами всё в порядке? Может, лучше отойдём отсюда? – участливо поинтересовался Ивернев.

Парень несколько секунд ещё покачивался. Затем его взгляд стал более осмысленным, и он обратил внимание на Максима, уставившись на свежее кровавое пятно на его куртке. Ивернев поспешил убрать руку, чтобы не смущать худого. При этом от его внимания не ускользнули странные глаза шокированного парня: с чернявостью такой, как бусины. Линзы, что ли, носит? Большие тёмные зрачки, заполняющие чуть ли не всё пространство радужки, мелькнули из-под бровей, когда парнёк набычился, стараясь взять себя под контроль.

– Нет... Всё хорошо. Всё нормально. Как-то на кровь странно реагирую. Не было раньше такого, – отрывисто и сбивчиво выдал бледный.

– Так и не каждый день такое увидишь, – кивнул в сторону

раскуроченной машины Максим.

– Это да. А вы привыкший, наверное? – вдруг невпопад поинтересовался паренёк.

– Да было дело, – уклончиво усмехнулся Ивернев, не желая вспоминать подробности службы.

– Я пойду, пожалуй, присяду, мутит жутко, – повернулся в сторону дороги собеседник и, не дожидаясь ответа Максима, поплёлся к шоссе.

Ивернев проводил его глазами и подошёл к хирургу, который колдовал над пострадавшим. Рядом кто-то настойчиво пытался дозвониться до скорой. Судя по тихому мату – это не получалось. На бортике остановки сидел водитель внедорожника, который ударился в зад грузовику. Незнакомая полноватая девушка бинтовала ему голову. Судя по всему, он заработал себе рассечение на лбу при ударе об руль.

– Люда, опусти задние сидения, повезём этого в больницу, – крикнул хирург куда-то в сторону шоссе, указывая на лежащего перед ним водителя перевёрнутой легковушки.

Максим посмотрел на часы. Он явно выбивался из графика, и здесь он точно ничем помочь уже не мог. Да и детей следовало везти. Вон Андрей вылез из «Газели» и стоял рядом, наблюдая за происходящим. Не следовало бы ему смотреть на такое. В жизни ещё будет столько неприятных видов – успеется. Ивернев затрусил наверх по небольшом склону в сторону своего авто. Он перешагнул через отбойник безопасности, подошёл к микроавтобусу и полез внутрь, ско-

мандовав по пути Андрею:

– По коням.

Малец кивнул и нырнул в салон, устраиваясь на своё законно захваченное место за водителем. Чудная дымка была по-прежнему густой, и видимость на дороге напоминала ту, при которой Максим катался в снежную бурю на севере год назад в поисках двух вредителей, которые отрубили подстанцию буровой вышки. Конкуренты, мать их... Короче говоря, не видно было не зги, если быстро двигаться. И если так пойдёт дальше, прикинул Максим, придётся через пару километров останавливаться и переждать. Заканчивать жизненный путь так же, как пассажир легковушки, оставшейся позади в кювете, не хотелось, тем более с четырьмя детьми в салоне. Надо позвонить Карине, предупредить, что немного задержится.

Максим снизил скорость и перестроился в правый ряд. Двадцать пять на спидометре. Он достал телефон и, облокотившись на руль, открыл последние принятые звонки. Так быстрее – самый последний вызов он получал в лагере как раз от своей «филологини».

– Дядь Максим, а чё за туман такой странный? – поинтересовался Бублик, встретившись глазами с Иверневым в зеркале заднего вида.

– Не знаю, Бублик... Не знаю... – задумчиво протянул Максим, поглядывая на дорогу. Поток машин тёк совсем медленно. Уже второй раз Ивернев набирал контакт с изоб-

ражением кареглазой брюнетки. Не было ответа. Сигнал связи оказался утерян. Как же так?

– Молодёжь, телефоны есть?

– Есть, – осторожно и нехотя ответил Андрей.

– А сеть есть? – поинтересовался Ивернев.

Прыщавый полез в бездонный карман и достал оттуда героических размеров аппарат.

– Не-а, ни одной палочки, – помотал головой мальчишка.

– Да что ж такое? – Максим бросил телефон на сидение рядом и оставил одну руку на руле, облокотившись на дверцу.

Кислый запах в салоне слабо ощущался даже при закрытых окнах. Где-то в старом тарантасе явно подтравливали щели. Ивернев начал беспокоиться. Если полчаса назад внутри угнездилась непонятная тревога, то сейчас интуиция просто кричала, что происходит нечто из ряда вон выходящее. За последние десять минут они проехали ещё четыре аварии. Слишком много даже для сильного тумана. В двух столкновениях была виновата вовсе не плохая видимость. Судя по всему, некоторые водители начинали резко ускоряться и сносить идущие впереди автомобили или, наоборот, били по тормозам и ловили багажником тех, кто ехал сзади и не успевал среагировать.

Около одного раздолбанного минивэна мужики вязали ремнями особо буйного нарушителя, который рычал, как загнанный зверь. Словом, шоссе представляло собой отнюдь

не безопасное место. Только Максим подумал об этом, как ему пришлось резко вильнуть в сторону, обходя по обочине резко затормозившую «девятку».

«Газель» угрожающе качнулась из стороны в сторону и накренилась, вздымая тучи пыли из насыпи по краям дороги. «Вовремя успел среагировать», – подумал Максим: дети сзади и не пикнули. Только глаза у всех были обалдевшие и круглые – по пять рублей. Ага, проняло.

А вот «девятка» потеряла бампер в идущем перед ней «Паджеро», из-за этого и остановилась. Внедорожник в свою очередь поцеловал идущий впереди прицеп какого-то дачника. Ещё одна авария, пусть и мелкая, без пострадавших. Но «Газели» пришлось уходить на обочину – слева был плотный поток машин.

Максим чертыхнулся и решительно надавил на газ, наплевав на правила дорожного движения и устремляя своё авто в сторону поворота на село Иваново. Он знал, что в полукилометре по относительно пустой дороге стоит небольшая заправка. Там можно припарковаться, пока туман не спадёт. Плевать, что до города осталось совсем немного. Интуиция, как птичка-мозгоклюйка, просто заходилась требованиями остановиться где-нибудь и не торопиться домой.

«Газель» прокатилась вдоль четырёх заправочных автоматов и встала за фурой на краю парковки. Помимо неё, рядом с магазинчиком стояли две старенькие легковушки – по-видимому, автомобили здешних работников. Ивернев с удив-

лением крутил головой – заправка как-то изменилась. Автоматы казались другого цвета, баки были перестановлены, и прочие мелкие отличия бросались в глаза. Хотя он мог и путать – бывал тут всего раз или два.

Заправщик сидел на бордюре, опустив голову в скрещённые ладони. Максим заглушил двигатель и обернулся к детям:

– Ждите тут. По туману такому не поедem – врежемся в кого-нибудь.

Четыре пары круглых глаз нервно и согласно моргнули, причём почти синхронно. Ивернев при виде этого не удержался от улыбки, и полез из «Газели», потягиваясь и разминая затёкшие мышцы. Он захлопнул дверь и пошёл вдоль фуры в сторону заправочного павильончика. В кабине грузовика были опущены занавески. Видно, дальнoбойщик остановился отдохнуть. По дороге на Иваново проехала пара машин и скрылась за поворотом. Ивернев достал телефон, но, как и ожидалось, сигнал исчез напрочь. Странная дымка тумана была буквально осязаема. Кисловатый запах бил в нос, заставляя морщиться.

Максим дошёл до сидящего на краю парковки заправщика и вежливо обратился к нему:

– Прошу прощения. Скажите, пожалуйста, есть ли в магазине связь? Можно как-то связаться с городом? У меня там дети в машине – надо до детдома довести.

Ответом ему было молчание. Ивернев наклонился и толк-

нул мужичка в плечо. Заправщик неожиданно накренился и расцепил руки, показав застывшее лицо. Он завалился на бок, потеряв кепку и стукнувшись головой об асфальт. Максим было дёрнулся подхватить его, но не успел. Мужчина приоткрыл рот и запрокинул голову. Веки его судорожно дрожали.

Ивернев быстро уложил мужчину поудобнее, чтобы тот не завалился на спину и ему не запал в горло язык; приложил к сонной артерии два пальца. Пульс был, но какой-то чересчур уж слабый и отрывистый. Максим осмотрел беднягу. Нигде не виднелось и намёка на кровотечение, и униформа выглядела относительно чистой. Ивернев расстегнул робу и потянул футболку, заглядывая за неё с разных сторон. Ни одного следа от возможных побоев. Похоже, мужик просто отключился, и всё, только почти не дышал. Удар, что ли, его хватил?

Ивернев потянул веко и от неожиданности отшатнулся. Блестящая чернота медленно заполняла глаза несчастного, растекаясь по всей радужке. Плавно и равномерно чёрное стекло наполняло жилки некогда серых глаз. Жилки медленно соединялись в единую сеть и меняли свою форму. Что за чертовщина?

Первая мысль Ивернева была проста и очевидна – химия действовала на организм человека угнетающе и быстро его отравляла. Инстинктивно Максим тут же схватил воротник куртки и отвернул голову правее, зарываясь носом в ткань.

Но что-то подсказывало ему, что от такой заразы эта хлипкая преграда не спасёт, это во-первых. А во-вторых, некоторые яды и химическое оружие работают и не через дыхательные пути. Плюс, он сам до сих пор чувствовал себя вполне неплохо.

– Мужик! Мужик! – позвал он заправщика – скорее на автомате, чем надеясь услышать от того ответ.

Надо было что-то делать, вдруг бедолагу можно ещё спасти. Проблема состояла в том, что Максим не мог опознать ни одного знакомого ему признака отравления или заражения. Да и не факт, что медикаменты нашлись бы где-то поблизости. У Борь Саныча обычная автомобильная аптечка находилась где-то в «Газели». В голове промелькнула мысль, что надо сделать хоть какие-то повязки детям. Максим резко вскочил и побежал к магазинчику, толкнул на ходу прозрачную дверь и очутился между привычных рядов со всякими мелкими вкусняшками и фастфудом. За прилавком никого не было.

– Есть кто? Ау! – позвал Максим.

Ответом ему было молчание. Ивернев быстро поднял откидную часть столешницы и зашёл за прилавков, направившись в подсобные помещения заправки. Тишина. Он заглянул в каптёрку, в которой стоял старый диванчик и телевизор. Чайник, тарелки с остатками какой-то еды. Женский передник. Никого.

Максим прошёл по коридору и постучал в дверь туалета.

Тишина. Он толкнул дверь, и та со скрипом начала медленно открываться. По голове Ивернева словно обухом ударили. По спине побежали крупные мурашки, виски зашлись холодом, мороз начал покалывать мелкими иголками, пробегая по позвоночнику вниз. Он попытался взять себя в руки, отгоняя наваждение. Такие ощущения он испытывал только несколько раз в жизни, и почти все они были связаны с его службой.

Помнится, один раз подобное состояние у Максима возникло перед тем, как он толкнул дверь, за которой была установлена растяжка. Повезло. Цепляли гранату впопыхах и даже не озаботились подвязать по-над ручкой хотя бы на полотенце, потому и взорвалась она не сразу. Ивернев тогда успел для подстраховки спрятаться за стену, а затем рвануло. Ну и позже случались моменты похожие.

Максим отрывисто заглянул за дверь туалета – никого. Старый замызганный унитаз, какие-то швабры и щётки с большими флаконами моющих средств. Ивернев выдохнул тяжело и немного расслабился. Чуть не струхнул – пустой комнаты испугался, как в детстве. Что-то он сегодня на нервах. Оно, вроде бы, и не удивительно после той кровавой аварии, но всё же не настолько, чтобы так реагировать.

Ивернев дошёл до конца коридора и толкнул дверь заднего входа. Она поддалась, и Максим выглянул на улицу с противоположной стороны заправки. Пусто, никого; только мусорные баки и двери заправочного шлюза, куда подъезжа-

ют цистерны, да дополнительный пожарный щит и грудa мусора, не поместившегося в контейнеры – вот и вся картина. Дальше виднелось поле. Максиму показалось или туман стал намного реже? Как-то больно уж быстро он сходит на нет, причём не ветром относит его. Нет, словно бы рассасывается медленно в воздухе. В любом случае детям надо сделать повязки на случай выхода из авто. В самой «Газели» тумана не было. Видно, тяжёлый был очень, вон как стелился полчаса назад.

Ивернев закрыл плотно дверь и повернулся в сторону подсобки. Должно же было там иметься хоть какое-то подобие аптечки. Откупаются они тут, что ли, от проверок? Вон в каком запустении заправка. Максим быстро прошёл по коридору в обратную сторону и свернул в каптёрку, остановился в дверях и внимательным взглядом окинул всё вокруг. Цепкий взгляд остановился на недопитом стакане чая. Ивернев подошёл, потрогал – еле тёплый, и в любом случае остыл не так давно. А значит, кто бы ни был на заправке – он ушёл недалеко или находится где-то поблизости.

В то, что пострадавший заправщик был только один, Ивернев не верил. Так уж повелось, что на массовых сетевых станциях кассирами редко работали старые люди. Да и оставливался он тут буквально месяц назад заправлять свой «Форд», когда с Кариной ездили забирать какие-то её вещи у подруги – была кассирша. Точно была.

Максим открыл настенный шкафчик и даже хмыкнул от

удовлетворения. Бинго! Вот и аптечка, да ещё какие-то медикаменты разрозненные. Выбирать не было времени, он сгрёб в охапку и чемоданчик, и пакет с мелочёвкой, мимоходом заглянул в последний. Марли большой кусок, бинты, йод – угу, куда же без него. Лечимся тремя средствами – водой, активированным углем и йодом, на все случаи жизни. Ого! А вот нашлась и доисторическая редкость – марлевые повязки, причём рядом с обычными тонкими из аптеки. Как они тут оказались – неизвестно.

Иверневу пришёл на память один случай, когда знакомый дорожник чертыхался долго по поводу курсов медицины на работе, когда на санминимуме заставляли зачем-то делать повязки. Ещё и гудел, что, дескать, прошлый век. Ага, да хоть каменный, ничего действеннее этого из подручных средств пока нет, а сейчас Иверневу не надо самому тратить время и крутить что-то ещё. Он быстро сгрёб пакет с повязками, понюхал: вроде бы даже неиспользованные. Отлично!

Максим закрыл шкафчик и заглянул за распахнутую входную дверь. На тумбочке стоял старенький стационарный телефон. А вот это было неплохо. Ивернев быстро раскрутил вертушку по знакомому ему номеру – ноль реакции, даже гудки не пошли. Удивительно: проводной телефон – и не работал. Это уже было серьёзно. Значит, они застряли на заправке полностью без связи. Ивернев даже начал подумывать, что лучше бы он дальше ехал к городу. Ладно, оборвал он себя, нечего уже рассусоливать и вздыхать. Что сделано –

то сделано. Максим быстро затрусил обратно на выход. В основном зале по-прежнему никого не было. Ивернев посмотрел в дальний проход и увидел коридорчик, ведущий в туалеты для посетителей.

— Ау! Есть кто?! — как можно громче позвал он, наблюдая за дверьми.

Ответом снова была тишина. Ну и чёрт с ними, и так уже достаточно времени потерял. Он двинул на выход. Толкнув перед собою дверь, Ивернев очутился снова на улице рядом с лежащим без сознания заправщиком. Тот распластался всё так же на боку: не двигался, значит, в себя не приходил. Максим осмотрелся. Туман стал уже совсем редким.

Ивернев успокаивающе помахал детям, наблюдающим за ним через лобовое стекло «Газели». Андрей было дёрнулся к двери, но Максим строго покачал пальцем, давая понять, что из машины выходить нельзя. Вся четвёрка, покорно затаив дыхание, стала наблюдать дальше за его манипуляциями. Ивернев открыл пузырёк с нашатырём и, быстро смочив вату, поводит ею рядом с носом заправщика. Ему показалось, что тот раздражённо дёрнул губой, как-то конвульсивно и быстро — и всё, больше никакой реакции.

Максим снова открыл веко мужичка и опять чуть не отшатнулся от неожиданности: вся радужка была чёрной. На этот раз картина была уже достаточно жуткой и отталкивающей — никакого намёка на зрачки или хоть что-либо от человеческого привычного вида. Как линзы из фильмов ужа-

сов про зомби или вампиров. Максим инстинктивно задрал голову, всмотревшись в стекло витрины. Нет, у него глаза нормальные. Да и что он там хотел увидеть? Если всё дело в тумане – очевидно, что с ним и детьми тот ничего не сделал.

Ивернев снова поглядел на несчастного. Не бросать же старичка тут на асфальте – вдруг в больнице смогут помочь? Пульс и дыхание есть. Сейчас бы вовремя оказать помощь, пока сердце и мозг ещё выдерживают. Нет, можно было поехать в город и сообщить, что здесь требуется неотложка и, скорее всего, последующая реанимация. Да только потом Максима будет страшно мучить совесть за то, что бросил человека и прошёл мимо, тем более имея в своём распоряжении целую «Газель» со снятыми сидениями, где места – хоть ещё трёх больных складывай.

Решено! Хотя дымка уже почти рассосалась, Ивернев всё же подхватил мужчину и с натугой потащил его к авто. Надо отвезти бедолагу в больницу. По пути он подцепил на локоть аптечку с пакетом. Энергично раскачиваясь и таща за собой рывками старика, Максим пересёк заправку и начал грузить «пациента» в микроавтобус, открыв задние грузовые двери.

– Что с ним? Чё это он? Он чё, мёртвый? – тут же набросились на него с расспросами Андрюха, Бублик и Вадик. Танюшка просто смотрела на Ивернева своими глазами-блюдами, словно задавая немой вопрос.

– Не знаю. Ерунда тут какая-то происходит с этим туманом, да и вообще... – недовольно осклабился Максим, крях-

тя и располагая мужчину поудобнее. – С ним всё нормально. Живой. Просто без сознания. Ну, как будто спит... – добавил для понятности Ивернев.

Затем он облокотился на бампер микроавтобуса и посмотрел в лицо старику. Как-то нехорошо оно заострилось. Довезёт Максим его до больницы или нет? И вообще – что за гадость так подействовала на беднягу – заразная или излечиться можно без проблем? Вдруг бешенство вызывает? А ну как очнётся и начнёт бургозить.

Максим решительно начал вытягивать холщовый ремень из робы заправщика. Так и ему спокойнее и мужичка на боку зафиксирует, связав руки и привязав к дверце. А то от качки растрясёт его, завалится на спину и задохнётся.

Закончив привязывать локти мужика, Ивернев взял старый свёрнутый плед, который Борь Саныч стелил, чтобы ковыряться под «Газелью», свернул его валиком и подложил под голову пострадавшему. После этого он захлопнул дверцы и побежал в сторону фуры. Надо было проверить – нет ли тех, кому требуется помощь, внутри неё. И уже ехать – туман расходится совсем. Вскарабкался на подножку и заглянул в кабину. Ожидаемо – ничего не видно. Да и на что он надеялся – всё занавешено шторками.

Максим забарабанил с силой по двери:

– Ау! Есть кто? У вас всё хорошо? Помощь нужна?

Никто не отозвался. Хотя Максиму на секунду показалось, что внутри кабины он услышал какой-то шорох. При-

слушался. Тишина. Ивернев застучал по металлу переборки с удвоенной силой:

– Простите! У вас всё хорошо? Да есть тут вообще кто-нибудь? – уже в сердцах заорал Максим.

Снова молчание. Жёлтые выгоревшие от солнца и времени занавески не шелохнулись. В щёлку под ними не было видно ничего – внутри тягача царил таинственный полумрак, скрывая возможного хозяина фуры. Ивернев потянул с силой дверцу, та не поддавалась. Тут, судя по всему, была внутренняя блокировка, когда внутри захлопывали на дополнительную ручку. Грузовик-то импортный, дорогой; двери массивные. Максим ещё раз для проформы потянул ручку, уже не надеясь на ответ.

И вдруг затылок ожгло то же странное ощущение, как и недавно в туалете. Ивернев обмер. Дважды за день: паранойя какая-то. Нехорошее предчувствие закралось в душу. Надо уезжать отсюда. А и чёрт с ними, не хотят открывать – не надо, если внутри вообще кто-то есть. Может, тот шорох Иверневу только показался. Время поджимало. Один «трёхсотый», как на автомате окрестил про себя старичка Максим, уже лежал в конце «Газели». Надо везти детей в безопасное место и помогать ему. Только вот где оно, это безопасное место? Надо ещё разузнать. Ивернев спрыгнул с подножки и подбежал к двери «Газели», залез внутрь – и тут же оказался засыпан вопросами ребятни.

– Во дела! И чё делать будем теперь? Повезём в больни-

цу? – с восхищением и горящими глазами выдал Вадик, беспардонно тыча пальцем в сторону лежащего в конце микроавтобуса старичка.

Вот же дети! Чудные создания. Видно же, что губы трясутся – боится малец. Но любопытство пересиливает. Для него это ни дать ни взять опасное приключение. А вот Ивернев всерьёз был озабочен. Поэтому, как только он устроился за баранкой, то развернулся и скомандовал, стараясь настроить ребятишек на нужный лад:

– Так, молодёжь. Старичка отвезём к врачам. Ему явно помощь нужна, бросать его тут нельзя. А теперь слушаем меня внимательно. Мне нужны чёткие и быстрые ответы. Ясно?

– Ясно, отчего ж неясно-то, – нестройно и многоголосο ответили ему.

– Что-нибудь болит?

– Нет, – слышался довольно уверенный и разнοбойный гомон ребят.

– Голова кружится? Дышать тяжело?

– Да нет же, дядя Максим, – удивлённо проговорил Андрей.

Остальные лишь энергично покивали под пристальным взглядом Ивернева.

– В глазах или в носу режет?

– Нет, нет, нет.

Танюшка вместо ответа вслух замотала головой из стороны в сторону так, что Максим всерьёз начал опасаться, что

она у неё оторвётся. Косички разметались в разные стороны.

– Н-да, дела... – неопределённо протянул Ивернев.

– А что такое, дядя Максим? – живо поинтересовался Вадик.

– Да видите ли, ребят... Народ как с ума сходит. Заторможенные. Вон мужику плохо, а я не могу даже сказать, что с ним. Ни на что не похоже. Никогда такого не видел. Связи нет, туман этот непонятный... – ответил Максим.

И тут же спохватился, что болтает лишнее. А что, иногда он любил и себе вслух ситуацию обрисовать – так оно сподручнее решение принимать. А тут и слушатели даже имелись. Да только вот не стоило детей неизвестностью пугать. Максим тут же мысленно обругал себя по-чёрному.

– Война, что ли, началась? – неуверенно буркнул Бублик.

Признаться, такой вариант событий Ивернев уже обдумывал. И дело было даже не в том, что ещё жила в нём память о разговорах ныне покойных родителей, заставших период холодной войны. Тогда такая тема муссировалась в некоторые года, а потом, соответственно, невольно передавалась детям. Нет, не похоже было всё происходящее вокруг на техногенную аварию. Налицо были все признаки химатаки: блокировка связи, причём даже проводной; массовые психозы. Такое бывает только при крупномасштабной катастрофе. Но верить в плохое не хотелось. Ивернев даже тайком ущипнул себя – не сон. Одно успокаивало: ничего хоть отдалённо напоминавшего сильные взрывы он пока не слышал. А значит,

наметился очевидный план действий.

Максим протянул руку к торчащим из-под рулевой колонки ключам зажигания и провернул их, заводя двигатель:

– Значит, так, молодёжь, расклад следующий. Мы сейчас выдвигаемся к городу. В центр заезжать не будем, в детдом тоже. Сначала узнаем новости: что да как и почему. Затем уже будем решать, что делать. В машине окна не открывать. Выходить будем только в повязках, они в пакете есть. Неизвестно, может, это от тумана так народ падает друженько. Не орать, не шуметь. Чуть что – сразу говорить мне, и не бояться. Я рядом. Пока вашим воспитателям вас не отдам – никуда не денусь. Ясно? – Ивернев ободряюще улыбнулся детдомовцам.

– Ясно, – в этот раз уже более дружно ответила вся тройка.

– Ну и отлично, поехали, – повернулся Максим к рулю.

– Дядя Максим! – тут же раздался голос Андрея.

– Да, чего ещё? – нахмурился Ивернев, потихоньку выворачивая руль и трогая с места.

– Таня в туалет хочет.

ТЬфу ты, ёлки! Максим даже резко нажал на тормоз, дёрнув «Газель». Ну что за напасть! Он, конечно, не воспитатель, но явно дурак, раз не учёл простые потребности ещё маленьких детишек. Надо было дать всем время оправиться. Он обернулся через сидение и посмотрел на пигалицу. Его встретили огромные сосредоточенные глаза.

– Лопнет! – покачал со знанием дела головой старший.

Зараза! Максим даже крикнул от неудовольствия. А Танюшка ещё и тыкнула пальцем в него. Чего это она? Ивернев вопросительно посмотрел на Андрюху.

– Говорит, с тобой только пойдёт, дядь Максим, – прокомментировал подросток и добавил, шмыгнув носом: – Бойт-ся...

Не было печали. Заправка, судя по всему, пустая стояла теперь. В фуре никого не было; а если и был кто, то без сознания. Ну, и Максим контролировал визуально всё. И, тем не менее, вздохнул он, придётся с маленькой мадемуазелью идти в маркет и караулить её там.

Ивернев посмотрел на старичка. Лежит – не шелохнётся, связан крепко. Максим потёр виски. Что-то раздёргался он. Нестандартная ситуация, надо собраться, а ему словно по голове с утра дали, как из города выехал. Не иначе, и на него туман как-то подействовал, только без трагических последствий. Ясности в голове нет, мысли роятся.

По-хорошему, везти бы ему детей сейчас себе в микроавтобусе, и всё. Оставить этого заправщика до приезда помощи, и весь сказ. Моя хата с краю, как говорится. Но не мог так Ивернев, не получалось. Такой был человек. Когда ещё эта помощь придёт – вилами по воде писано. Максим вздохнул и успокоился. Взялся за гуж – не говори, что не дюж.

– Так, вы сами-то пойдёте в туалет? – задал он вопрос уже мальчикам.

– Не-а, не, не, – раздались ответы, и Бублик добавил: –

Мы в лагере перед отъездом уже...

– Хорошо, значит, так. Андрей, Бублик, Вадик: чуть что – орите как бешеные. Окна в таком случае разрешаю открывать, но только чтобы позвать меня. Ясно? – угрожающе нахмурился Ивернев.

– Поняли.

– За стариком приглядите. Но сами его не трогайте. Мы быстро, – наскоро раздал команды Максим и затем посмотрел пристально на Танюшку. – Быстро же?

Та с энтузиазмом закивала, выражая согласие.

– Ну и отлично, – подытожил Ивернев и добавил: – Быстренько выходим. Запереть двери – вот эта кнопка. Запомнили? – он показал на потёртую кнопку блокировки дверей и посмотрел на мальчишек.

Ребята хором подтвердили осведомлённость, и Максим скомандовал девчухе:

– Королевы – на выход!

Он быстро вылез из «Газели», хлопнув дверью. С другой стороны Андрюшка выпустил пигалицу, тут же жажнув за ней дверцей так, что микроавтобус покачнулся. Танюша оббежала авто и тут же ухватилась за протянутую ей руку. Маленькая детская ладошка с невероятно слабыми пальчиками оказалась в крепкой мозолистой руке Максима. Ну и как такое сокровище можно было оставить в детдоме? Сто тысяч оправданий придумайте – ни с одним не получится согласиться. Где-то в глубине уже затвердевшего по отношению к

детям сердца Максима предательски дрогнула тонкая струна, лопнула и ожгла грудь.

Мужчина с маленькой девочкой зашагали в сторону маркета. Ивернев привычно толкнул дверь и указал Танюшке коридорчик с туалетами:

– Нам туда.

Они дошли до двери и Максим надавил на ручку, открывая тяжёлую створку на тугой пружине и осматривая пустое помещение:

– Заходи.

Девчушка юркнула внутрь, и он затворил дверь. Прошёлся по маркету. Недолго раздумывая, подошёл к витрине и оглянулся. Будем считать, то, что он делает – это за помощь заправщику. Ну а если придётся держать ответ – он тогда и заплатит.

Ивернев поднял стекло и принялся аккуратно сгружать уже остывшие, но всё ещё пахучие хот-доги и пирожки в бумажные пакеты, лежавшие рядом с кассовым аппаратом.

Во-первых, рассудил он, памятуя о том, каким сам был в детстве – ребятня скоро захочет есть. Четыре голодных растущих организма свалились на его голову как-то неожиданно. По времени он вообще-то уже должен был сдать их воспитателям и ехать в объятия Карины. Во-вторых, он и сам с утра даже маковой росинки во рту не держал. Не мешало и подкрепиться.

Кстати, о Карине за всеми этими заботами он как-то по-

сле неудачного звонка с шоссе и не вспомнил. Нехорошо. Как она там? И вообще – затронул ли туман город? Она вроде бы и не собиралась никуда выходить, но вдруг, как старичок-заправщик, упадёт посреди квартиры и головой обо что-нибудь ударится?

От этой мысли у Ивернева окончательно испортилось настроение. Пусть Карина и была его подругой, а никак не спутницей жизни или большой любовью, но тем не менее ответственность за неё он ощущал. И отсутствие известий конкретно напрягало. Но дети... Жаль, не разорваться.

Пока Максим нагло опустошал прилавки маркета и грузил в плотный пакет негазированную воду из холодильника, Танюшка уже вышла из туалета, на ходу держа руки в стороны, словно привидение. С кончиков пальцев капала вода.

– Что, сушилка не работает? – догадался Ивернев.

Девочка отрицательно покачала головой. Оно и неудивительно: холодильник тоже уже не работал, электричества на заправке не было. Странно, что Максим об этом не подумал, когда безуспешно пытался звонить по стационарному телефону. Хотя оно и понятно – непривычно в такие ситуации попадать, да ещё посреди относительно густонаселённой и развитой части страны.

– Ладно, пойдём к ребятам, – сказал девочке Максим и протянул ей свободную руку.

Та ухватила за его пальцы и встала рядом. Второй рукой Ивернев сгрёб пакет со снедью и водой, после чего оба дви-

нулись на выход из пустого и неприветливого маркета. Максим толкнул входную дверь ногой и придержал её спиной, пока выходила пигалица. Когда они уже приблизились к заправке, Ивернев остановился как вкопанный. Затылок в третий раз за день обдало ледяным холодом. Это жгучее ощущение прострелило обе руки, заставив его вздрогнуть.

Дверь кабины грузовика, куда он стучался буквально несколько минут назад, вдруг резко распахнулась и из неё показалась нога в засаленной штанине. Она как-то безвольно повисла над ступенькой. Водитель словно забыл, как вылезать из собственного авто. Ивернев непроизвольно сильнее сжал ладошку Танюшки.

Дальнобойщик ухватился рукой за боковую часть дверцы. Его ладонь поехала вниз, оставляя красные разводы. Двигалась она очень неуверенно. Несколько раз водитель судорожно пытался ухватиться за гладкую металлическую поверхность, но у него не получалось. Далее случилось неизбежное – не найдя точки опоры, хозяин грузовика просто вывалился из кабины, причём глухо стукнулся головой о землю. Тело его согнулось и свалилось набок. Однако упавший не отключился, а продолжил дальше перекатываться по земле, медленно вставая на четвереньки.

Танюшка всхлипнула и затаила дыхание. Максим отпустил её руку и скомандовал:

– Стой здесь. Поняла?

Девчушка согласно закивала и отошла от него в сторону

заправочного терминала.

Ивернев положил пакет с продуктами и громко позвал:

– Мужик, ты как? Не ранен?

Откуда у него кровь? Голову только что разбил вроде бы, а кровь вон заляпала всю старую клетчатую рубашку, которая была надета на мужчине. Значит, присутствовала там и до этого. Неправильная картина какая-то выходила, тут и детективом не надо быть, чтобы понять это. Толстоват был водела по комплекции. Хотя полнота его выглядела довольно странно. Вроде бы и нормальный человек, а живот раздут, словно бы он проглотил футбольный мяч.

В этот момент дальнобойщик вдруг глухо заворчал и затрясся, будто его настигла падучая. Мужчина медленно начал поворачивать голову в сторону Максима, словно только услышал его. Одновременно с этим заорали дети в салоне «Газели». Ивернев бросил короткий взгляд на лобовое стекло микроавтобуса.

Андрей чуть ли не перевалился через сидения рядом с водителем и настойчиво тыкал в стекло в сторону мужика. Что они там увидели на его лице? Максим отошёл чуть правее, желая увидеть – что не так с водителем фуры. И обомлел...

Глава 3

Борьба за жизнь начинается

Лицо дальнобойщика было полностью измазано в крови, да так обильно, что почти всё было красным, как помидор. Но главным было даже не это. Из рта мужчины, словно у какого-нибудь хищника, торчал тонкий кусок плоти. А глаза... Такие же Ивернев видел у старичка-заправщика, да только раньше он мог наблюдать их мельком, когда приподнимал на секунду веко несчастного. А теперь вот на него смотрели две иссиня-чёрных блестящих мёртвых точки. И при первой же встрече с ними взглядом внутри Максима забились в истерике птичка-мозгоклюйка. Ну не смотрят так, когда просят помощи! Взгляд был тяжёлый, изучающий.

Инстинктивно Максим напрягся и обернулся на Танюшку. Она спряталась за стойкой с заправочными пистолетами, слегка высунулась, и только одним глазом испуганно смотрела на незнакомца.

Ивернев увидел, как по ступеньке тягача из распахнутой дверцы засочилась алая струйка. Он поднял глаза и отпрянул от неожиданности. Внутри кабины словно погулял какой-то огромный свирепый и кровожадный зверь. Шторки с противоположной стороны кабины были заляпаны красными разводами. Сидения, приборная панель, руль – всё было

покрыто обрывками одежды и какими-то ошмётками, о происхождении которых Максим даже не хотел догадываться. А на дальнем сидении располагалось то, что когда-то было кас-сиршей заправки. Понять это можно было только по яркому переднику работниц бензиновой сети. Водила же тем временем медленно и неуверенно двинулся в сторону Ивернева.

– Не подходи, мужик! – вытянув вперёд руку в предостерегающем жесте, проговорил Максим и добавил: – Что бы ты там ни сделал, я тебе не враг. Не подходи, говорю!

Дальнобойщик даже и не думал останавливаться. Из его горла начали доноситься какие-то бульканья и клокотания, похожие на урчание недовольного пса. Этот нечеловеческий звук вырывался через оскаленный рот. Лицо водителя замерло в ожесточённой маске, внушающей ужас.

Максим застыл на месте, не сводя глаз с лица мужика. Признаться, это было не так уж и сложно – чёрные зыркала манили и завораживали, сковывая движения и лишая воли. Пацаны в «Газели» прильнули к лобовому стеклу, застыв в немом ужасе и наблюдая за происходящим. Дальнобойщик нелепо и как-то ломано качнулся, слегка споткнулся и пошёл на Максима, немного раскачиваясь.

– Стой! – вытянул руку вперёд Ивернев, пытаясь остановить мужика. – Слышишь? Стоять!

Дальнобойщик пёр вперёд, словно совершенно не понимал человеческую речь. К слову, он был в полтора раза шире в плечах, чем Максим. Учитывая, что Ивернев был не особо

маленьким – метр восемьдесят пять имелось в наличии – то громила оказался довольно видным экземпляром. Максим на автомате зачем-то отметил про себя, что кольца на пальце у него не было ни одного. Никак познакомился с кассиршей на остановке и пригласил поболтать по душам к себе в машину, а может, и ещё чего – вдруг раньше были знакомы? Да только, судя по тому зрелищу, что из себя представляла кабина тягача, женщину постигла незавидная участь.

Все эти мысли пронеслись фоном сами собой, и Ивернев понял, что пора действовать. Дальше отступать нельзя – позади за наливным терминалом Танюшка. Даже если он схватит её и отбежит дальше – мужик тогда будет близко к мальчикам в микроавтобусе. А он и так уже пару раз оглянулся на них, но явно решил сосредоточиться на взрослом противнике.

Прикинув быстро всё это в уме, Максим понял – надо сокращать дистанцию и выключать водилу. Двигался тот медленно, словно находился под чем-то, и вдобавок пока что был неуклюжим. Кто знает, что будет, если он очухается и начнёт бегать как ошпаренный за ними по заправке? Пора было кончать этот театр абсурда, происходивший вокруг.

Ивернев резко подался вперёд, сделав широкий подсакивающий шаг, одновременно с этим вскидывая руки вверх в стойку, будто для атаки. Он ожидал, что соперник хоть как-то инстинктивно среагирует и дёрнется заслоняясь, но ничего не произошло. Но движение уже было начато, вместо вто-

рого шага Максим резко выбросил ногу вперёд, нанося удар носком под колено дальнобойщика. Благо двигался тот медленно и однообразно, и поэтому подловить его не представляло большой трудности.

Мужик грузно осел, припав на подкосившуюся ногу. Он ненадолго встал почти на четвереньки, не выпуская из виду Ивернева. Разве что ворчание стало намного злее и утробнее. Громила принялся вставать на ноги, словно ему только что и не зарядили со всей дури под коленную чашечку.

«Вот же двужильный!» – подумал про себя Максим и тут же ринулся вперёд, желая сократить дистанцию и нанести удар до того, как преступник встанет на ноги. В том, что мужик является именно преступником, у Ивернева сомнений уже не было, особенно после увиденного в кабине.

Максим от души врезал боковым правым в так удобно подставленную челюсть мужичка, затем, продолжая движение, раскрутил плечевой пояс в обратную сторону, вкладываясь в удар левой снизу вверх, добавляя в челюсть.

К сожалению, абсолютно противореча демонстрируемой терпимости к побоям, дальнобойщик словно стоял на ватных ногах и поэтому от первого удара уже начал заваливаться как кукла. Из-за этого второй удар двоекки пошёл вскользь. Тем не менее, мужика развернуло вправо, и его ноги запутались. Левая потеряла опору, и Максим тут же следом вмазал от души стопой в несчастное левое колено, метя в сопряжение сгиба.

Дальнобойщик неуклюже взмахнул вперёд подбитой ногой и рухнул набок, ударившись головой, да так сильно, что Иверневу показалось, что он слышит хруст костей. Внутри всё похолодело. Это он что-то не рассчитал силы: ожидал, что убийца хоть немного окажет сопротивление и будет стоять на ногах крепче. А тут на тебе – как будто инстинкты у человека напрочь отключились, и он пёр вперёд, невзирая на боль, и даже не пытаясь удержать равновесие.

Вместо того чтобы на автомате протянуть руки назад и спружинить в падении, как это обычно бывает, громила просто взял да и шлёпнулся плашмя, и не мягко, а как спиленное дерево. А ведь и близко нокаута не было!

Да, дела... Так и минимум пятёрку колонии строгого режима можно себе навоевать.

Максим начал искать по сторонам шланг или его подобие – стоило бы связать этого буйного. Но тот вдруг выгнулся дугой и схватил Ивернева за ногу. Твёрдые пальцы обхватили плотно лодыжку, и мужик начал тянуться к Максиму кроссовку оскаленным ртом. Ивернев брезгливо поднял вторую ногу и нанёс удар в сочленение локтя одной из рук нападавшего, чтобы тот отпустил его.

Не тут-то было!

Ещё удар! Максим чуть не упал при этом. Дальнобойщик не реагировал. Да он что, из железа, что ли, сделан, либо вообще боли не чувствует? Ивернев исступлённо заколотил каблуком по лбу убийцы, пытаясь оттолкнуть, причём делал

это уже изо всех сил. Лицо мужика покрылось кровью из двух ссадин, но он не переставал подтягиваться к обхваченной им ноге.

В какой-то момент Максим уже не выдержал и заорал:
– Да отвали же ты, наконец! На!

Он резко поднял ногу, с силой согнув её в колене и собираясь впечатать каблук в голову мужика. Если бить в корпус, то у лежащих такие фиксированные удары нередко даже рёбра ломают. Поднял, зафиксировал, чётко и отрывисто дал от души по кости – но лоб у мужика оказался, как у быка, ему повреждения явно не мешали.

В эту секунду убийца вдруг резко рыкнул и подтянул к себе опорную ногу Ивернева, и тот резко полетел назад, стараясь затормозить руками. Нога завершила удар, но из-за падения траектория сместилась, и пятка впечаталась в глаз нападавшего. И, к ужасу Максима, соперник лишь подтянулся на руках и навалился на его ступни. Теперь они лежали оба.

Правую ногу пронзила резкая боль. Это мужик, похоже, окончательно слетел с катушек, и теперь со всей дури укусил Ивернева через штанину. Было такое ощущение, что он хотел оторвать кусок плоти вместе с клочком одежды. Из-за сжатых на икре зубов непрерывно доносилось угрожающее утробное клочкотание.

Максим попытался вытянуть вторую ногу из-под туши дальнобойщика. Для этого ему пришлось изогнуться на бок, подтягивая к животу колено, и пришлось приблизиться к

морде нападавшего. Тот, не переставая, наблюдал чёрными глазами за Иверневым, и как только лицо парня стало ближе, резко дёрнулся, отпуская ногу и пытаясь бросить себя ближе к голове Максима. Или к горлу.

Точно! Хотя в чёрных глазах и не было видно зрачков, Ивернев абсолютно верно оценил этот недвумысленный бросок. Дальнобойщик стремился вцепиться ему в горло, прямо как хищник. Рука нападающего скользнула по предплечью Максима. Ухватиться за шею не удалось, и окровавленные пальцы вцепились мёртвой хваткой чуть ниже локтя прямо в кожу.

Ивернев и сам зарычал от бешенства – нестриженные ногти мужика глубоко царапали ему руку, сдирая эпидермис и принося жгучую боль. Он перехватил запястье преступника и, быстро нащупав пальцы, попытался разжать их. В это же время он перевернулся на спину и начал методично забивать раз за разом каблук в глазницу дальнобойщика, превращая её в один сплошной синюшный подтёк.

А мужик всё пёр вперёд, словно совсем не ощущал боли. Любой, даже тренированный, человек уже ослабил бы напор после таких травм и повреждений, но этот и не думал сдаваться. При очередном ударе мужик подался вперёд и попытался схватить Максима за ногу, которой он старался побольнее лягнуть нападающего. В итоге лишь наткнулся на подошву кроссовка, оставив на асфальте несколько зубов. Нос был разбит всмятку, но дальнобойщик словно не почув-

ствовал и этого удара. Вместо этого оставшиеся зубы вновь с удвоенной силой сомкнулись на икре Ивернева, заставив его буквально взвыть от боли и злости.

Максим быстро осмотрелся и увидел то, что ему нужно. Малый пожарный щит около заправочного автомата, выкрашенный яркой бордовой краской, а на нём – небольшого размера багор с раздвоенным концом и тупым набалдашником. Ивернев сделал усилие и перевалился на живот, взревев от натуги. Он тут же начал подтягивать себя к щиту.

Челюсти убийцы соскользнули, разрывая и утягивая за собою ткань брюк. Ногти нападающего оставили глубокие борозды на ноге. Максим использовал эту заминку, чтобы рвануться ближе к заветному оружию. Но тут же он, стиснув зубы, зарычал снова, захлёбываясь брызнувшей слюной – и было отчего. Теперь мужик вцепился в уже расцарапанную икру, прокусывая кожу до крови. При этом каннибал заурчал так довольно, будто только этого и хотел. Запах крови явно заставил его двигаться активнее, вон как сдавил ногу и навалился на неё.

До щита оставался буквально метр.

В этот момент раздался отчаянный и тоненький визг, заставивший Ивернева похолодеть от ужаса. Он извернулся как уж, чтобы посмотреть назад. Танюшка выбежала из-за терминала и теперь отчаянно тянула полоумного мужика за ботинок. Дальнобойщик слабо задёргал ногой, пытаясь повернуть голову и понять, кто там прицепился к нему. Но ин-

тереса к ноге Максима псих не потерял – кровь струилась по его губам, и этот факт явно расставлял приоритеты в голове обезумевшего преступника. И всё же хватка его ослабла.

У Ивернева всё сжалось внутри, и когда челюсти и пальцы громилы наконец на несколько секунд расслабились, Максим дёрнулся вперёд. Он из последних сил рванул к щиту, до зубовного скрежета стискивая челюсти и плюя на адскую боль в раздираемой икре. Не тратя время на то, чтобы подняться, он ухватил багор и с размаху врезал заострённым концом в щёку нападающему. Паралич мышц был обеспечен, как и адская боль – но явно не для этого уroda. Тот лишь нелепо задёргал головой, пытаясь придавить щекой конец раздражающей палки. Ему пришлось отпустить ногу Ивернева, и теперь здоровяк по-идиотски разевал рот, вытягивая лицо в мерзкую обезображенную конвульсиями маску.

Максим вытащил зубец своего орудия и размахнулся им, будто дротиком. Лёжа это сделать было сложно, но он справился. Ивернев вонзил острый конец в открытый рот нападающего и изогнулся, насколько это было возможно, давя подошвой ботинка на тупой противоположный конец короткого багра. В горле мужика что-то хрустнуло и булькнуло. Металлический толстый стержень зашёл глубже, прорывая мягкие ткани и круша всё на пути.

Руки дальнобойщика наконец-то разжались, и Ивернев тут же перекатился в сторону, игнорируя боль в ноге. Он наклонился и с натугой вытянул багор из горла нападавшего.

Затем быстро приземлился на спину барахтающегося грома-
лы и закрыл собою вид от Танюшки и ребят в машине, раз-
махнулся и ударил по затылку мужика.

И тут произошло странное. Удар пришёлся на какую-то
еле заметную шишку на затылке убийцы. Как только багор
разбил её, и тоненькая кожица лопнула – мужик резко затих.
Да так споро, будто несколько секунд назад и не казался уни-
версальным солдатом, презирающим и боль, и страх перед
любыми побоями.

Признаться, Максим уже приготовился к очень грязной
работе, если громила не вырубится и от такого удара. А учи-
тывая болевой порог, который тот демонстрировал несколь-
ко минут кряду – это было вполне возможно. А тут не при-
шлось даже продолжать экзекуцию – вырубился мгновенно.
Дальнобойщик просто обмяк, как мешок с картошкой, слов-
но весь день так и лежал на асфальте до этого. Только ноги
слегка подрагивали в затухающих конвульсиях: так продол-
жалось секунд десять, а затем и они прекратили своё движе-
ние.

И всё, никакой реакции. Чудеса, да и только.

Ивернев отбросил багор и тяжело выдохнул, запрокинув
голову. Ногу раздирало так, словно там работали хирургиче-
скими ножницами без наркоза. В голове просто гудел шум.
Как радиопомехи – отходняк после неожиданного и дикого
вброса адреналина. Да он такого и в бою не испытывал рань-
ше, и вдобавок так неожиданно. Это не заправка, а какая-то

декорация из плохого и мерзкого фильма ужасов.

Максим начал чуть оглушенно вытаскивать ремень из брюк и связывать руки поверженного здоровяка. В себя его привели громкие всхлипывания Танюшки. Он обернулся как ужаленный – и тут же расслабился. Опасности не было. Девочка сидела на корточках и, раззявив рот, просто редела, орошая комбинезончик горячими слезами. При взгляде на неё Ивернева пронзила неожиданная мысль, и он поднял голову на микроавтобус. Оттуда на него смотрели три мальчика. Лица у них были бледные – видно, что страху натерпелись. Но главным было не это.

Невзирая на больную икру, Ивернев вскочил на ноги и подбежал к задним дверям «Газели», буквально рванул их на себя. Вот он, голубчик. В отличие от своего товарища-каннибала, старичок лишь вяло дёргался, привязанный к внутренней стойке дверцы. В том, что дед был такой же обратившийся, как и его собрат по несчастью, Максим не сомневался: радужка глаз старика была полностью чёрная, и урчал он, как побитая голодная собака. А вот и ноздрями повёл – чуял кровь, хищник.

Ивернев не удержался и поднёс расцарапанную руку ближе к лицу заправщика. Тот втянул носом воздух и даже слабо дёрнулся к запястью Максима – нет уж, дружок, погоди. Ивернев скомандовал ребятам:

– Марш из машины. Успокойте Танюшку. Только заберите её и за «Газелью» постойте, не торчите посреди заправки.

Не хотелось ему, чтобы дети стояли неподалёку от распро­стёртого тела дальнобойщика. Оно, конечно, вроде бы и на животе лежал мужик, и не видно было его разбитого напрочь лица, но всё же крови натекло изрядно. Не стоило мальчикам на такое смотреть.

Мальчишки быстро и молча вылезли из микроавтобуса, понурившись. Оно и понятно – тут любой струсит. Даже взрослые мужики с чувствительной нервной системой могли бы в обморок бухнуться или оставить на земле остатки завтрака. Ну, а если уж совсем впечатлительные, то и медвежья болезнь могла бы настичь так, что потом не отстираешь брюки.

И всё же маленькая пигалица схватила убийцу за ботинок, а они – нет. Понятное дело, что она это скорее инстинктивно сделала. Вон как сейчас сидела и ревела вовсю. И Максим даже не мог её успокоить – надо было заниматься старичком. Ещё одно кровавое представление детишкам явно не пошло бы на пользу. Они уже насмотрелись за последние пять минут такого, что не каждый увидит и в кино. Так что зазорного в том, что все трое мальчишек сидели в машине, Максим не видел. Он посмотрел на урчащего заправщика и произнёс:

– Ну, и что с тобой делать?

Очевидно было, что убитый мужик и этот урчащий старичок – одной оперы певцы. Агрессия по отношению к людям – налицо, просто первый был более активным и успел полакомиться человечинной. В том, что вокруг гулял-бродил ка-

кой-то вирус или что-то похожее, что вызывало немотивированную агрессию, у Ивернева уже не было сомнений. Успокаивал тот факт, что ни у него, ни у детей не наблюдалось никаких изменений не то что во внешнем виде, но и в поведении.

На ум пришли сериалы и фильмы про зомби. Там тоже в результате какой-нибудь биологической напасти живые трупы начинали охотиться за людьми, и были, как правило, тупы и невероятно живучи. Вон Максим смог уговорить дальнотбойщика, только когда ему полбашки проткнул и какую-то маленькую шишку разнёс на голове. И до сих пор не было ясно – окончательно ли убил. Из-за этого телу ремнём пришлось вязать руки.

Связи нет, вокруг ни души, у него на шее дети. Пора было уже прекращать играть в героя. Рассудив здраво – если бы он не возился с заправщиком, то вместе с детьми бы уже ехал к городу в поисках помощи. Ну а если бы не пытался договориться с, как ему казалось, преступником, не старался бы обезвредить его для правоохранительных органов – то и нога была бы целёхонька. Кстати о ноге: а вдруг эта гадость передаётся через укус? Было же такое в фильмах?

При этой мысли Ивернев похолодел. Он глянул на ребят, которые обступили ревушую девчушку. Андрей вон опустился на колени и слёзы ей вытирает. А не кинется ли через полчаса на них Максим? Ой, как не хотелось бы. Следовало обеззаразить рану. Не факт, что поможет, но не помешает.

И пора было уже начать думать чётко и быстро. Пока что его мысли и действия оказывались разрозненными, но тут уж что поделаться – не готовила его жизнь к такому.

Как там вбивали в учебке: «В критической ситуации ты никогда не поднимешься до уровня своих ожиданий». Нет, куда там, всегда упадёшь только до планки своей подготовки. И вот к борьбе против неубиваемых и кровожадных биороботов Ивернева не готовили. Да и не мог он даже представить себе такое.

Все эти мысли текли в голове, когда Максим уже копался в аптечке, откручивая бутылку с антисептиком. Промыть место укуса; где-то тут должны были найтись препараты против столбняка, тоже лишним не будет. Ивернев разыскал нужный мини-шприц с розовым колпачком и вскрыл его, вгоняя иглу в бедро. Кустарщина, конечно, а не квалифицированная медицинская помощь, но для подобных условий сойдёт. Руки всё равно дрожали – маловато было уверенности, что поможет. После промывания Максим залил укус медицинским клеем и замотал плотно бинтами. Раз эти мужики так реагируют на кровь – следовало избавляться от этого запаха.

Максим критически осмотрел вырванный клочок штанины. Пока пойдёт, но надо бы озаботиться другой одеждой – зацепится где-нибудь, и дальше пойдёт разрыв. Сейчас было некогда. Ивернев снова обогнул «Газель» и посмотрел на медленно ворочавшегося старичка. При виде Ивернева тот снова заурчал и показал зубы в свирепом оскале.

Теперь главным вопросом было: лечится ли эта дрянь? «Если да, – думал Максим, – то субчика в салоне ещё можно вытащить из такого состояния, благо он никого не покалечил». Но это уж точно последний шаг Максима в роли матери Терезы на этой заправке. И везти с собой заражённого он теперь не собирался. Оставить здесь и при случае сообщить сотрудникам правоохранительных органов. Но что-то ему подсказывало, что никто заниматься этим делом не станет.

– Извини, мужик, – тихо проговорил Ивернев, комкая тряпку в жгут.

Старичок лишь утробно проклокотал, услышав человеческую речь. Максим запихал импровизированный кляп в рот заправщику и начал вязать его щиколотки толстым буксировочным тросом. Таких тут было два – один старый и порванный, другой целый. Закончив с обратившимся старичком, Ивернев сел за руль и завёл двигатель – ещё не хватало тащить чудака на своём горбу.

Подкатив к дверям магазина, Максим снова заглушил мотор, обошёл своё авто и с натугой закинул заправщика на плечо, а затем понёс в маркет, пыхтя и чертыхаясь на ходу. Он сгрузил несчастного на пол около кассы и обвёл кусок толстой верёвки вокруг торчащей из пола трубы, уходящей на крышу. Затем проверил, крепко ли сделаны путы, и направился на улицу, подхватил там брошенный пакет с едой и подошёл к ребятам.

– Держите.

– Мы не хотим есть, – протянул Вадик.

Лицо у него было бледное как мел.

– Это про запас, – коротко сказал Ивернев и добавил:

– Постойте пока ещё здесь. Я скоро.

– Хорошо, дядя Максим, – на этот раз уже с готовностью выдал Андрюшка.

Надо же, и куда делась развязная манера речи? Хотя оно и понятно – только что, считай, их от какого-то мужика-зомбака спасли. Ведь после Максима тот бы обратил внимание на детей. И старший это точно понимал – не совсем же дурак.

Ивернев направился в сторону распластанного дальнобойщика. Присел над ним, пощупал пульс. Ноль целых, ноль десятых ударов в минуту. Готов. Н-да, это он знатно его, конечно, приложил. Максим скривился, как от зубной боли. Поди докажи, что он за дело мужика приголубил по голове. Единственное, что как-то спасало конкретно его ситуацию – останки кассирши в фуре. Если этот каннибал там порезвился в кабине – экспертиза докажет, что он убил несчастную. Но схватка с Иверневым была другим делом. Однако что-то внутри Максима подсказывало, что никаких разбирательств уже не будет.

Заправщик боя не видел. Но мало ли, вдруг дед оклемается от этого вируса и будет помнить, что, с кем и где происходило рядом с ним. Ну, не убирать же его из-за этого. Значит, решено: избавляться от убитых, как бы этого ни хотелось –

не будем, окончательно решил Максим. Да и дети всё видели. Ещё начнут их, не дай боже, таскать по судам свидетелями...

Максим наклонился и, стараясь не запачкаться, потащил за ноги дальнобойщика к кабине фуры. Около неё он бросил труп, решив передохнуть и заодно забрать багор. Вернувшись, он размахнулся и закинул своё «оружие» в канаву, видневшуюся неподалёку, а затем полез на приступку. Раз пошла такая пьянка, хотелось бы иметь в руках что-нибудь посерьёзнее, чем металлическая палка.

Под сидением было пусто, за ним тоже. А вот в полке над головой в зажимах обнаружился небольшой укороченный дробовик на восемь патронов. Такие ещё иногда «сторожками» называют из-за их довольно узкого использования. Точность аховая, но зато в ближнем бою или когда надо пугануть либо отбиться – шикарная вещь, очень манёвренная и удобная по габаритам. А как известно, на безрыбье и рак – рыба.

Также добычей стали тридцать патронов к дробовику: десяток – травматические, оставшиеся – мелкая дробь. Это понятно: садиться за случайное убийство по неосторожности водиле никак не хотелось, а отбиться – вполне себе хватило бы. Молодец мужик – в рейсы без оружия не катает; точнее, не катал. На некоторых трассах не так давно и сгрузить всё могли. А там кто оказался бы виноват в том, что груз не доехал – бабушка надвое сказала. Или вдруг частником был мужик – так тем более пригодился бы ствол, свои же кровные

вложения защищать.

Ивернев осмотрел пульт управления фурой. Неплохо. Сцепка была не механическая и в управлении несложная. Спустя пару минут прицеп уже стоял отдельно от тягача. Затем Максим впахнул на законное место водителя и врубил зажигание, поставил передачу разгона, зафиксировав педаль «режимом отдыха». Грузовик медленно пошёл в карман в двухстах метрах от заправки. Всё это время Ивернев, стоя на приступке, посматривал назад, контролируя дорогу.

Отведя тягач на достаточное расстояние, Ивернев отжал педаль газа и застопорил его. Всё. Да мало ли зачем грузовик отъехал? В настоящее время до разбирательства хотя бы не будет привлекать излишнее внимание. «Теперь пять минут отдыха и ходу отсюда», – решил Максим. Дорога была подозрительно пуста. Но это и к лучшему, хоть и непонятно. Неужто все сейчас попрятались, как мыши по углам? Может, невидимая напасть поразила многих?

Эта мысль не давала покоя закутившему Максиму. Двигаясь в сторону заправки, он прокручивал в голове возможные варианты событий. Если такой же гадостью заразились все, кто попал в туман... Да, странную дымку Ивернев выделил в своих мыслях особо, ведь всё началось именно с её появления. Но он с детьми так и не приобрёл чёрных глаз, и не кидался на других. Это тоже было фактом очевидным. А значит, действовала эта зараза не на всех.

Мысли снова перескочили на тему Карины. Как она там?

Максим вздрогнул, представив, что девушка могла тоже сейчас лакомиться кем-нибудь из незадачливых соседей. Или они ею...

Ладно. Пора было отправляться в путь. Следовало добраться до людей и составить для себя понимание обстановки, и детей обиходить – а то не дело всё время таскать их за собой. Максим сделал последнюю затяжку и бросил окурочку в лужицу на дороге, затем подошёл к микроавтобусу. Вся троица мальчишек молча сидела на приступке. Танюшка стояла около парапета и хлюпала носом.

Максим посмотрел на девчушку и вдруг опустил на колени, крепко обняв маленькое хрупкое тельце:

– Спасибо, солнышко. Ты мне очень помогла!

Девочка уткнулась в его плечо и, смотря куда-то в сторону поля, затихла. Максим же был весь в своих мыслях. Ему вдруг вспомнился худой паренёк, который стоял около перевернутого в аварии авто. У него ведь тоже были такие черные глаза. Ивернев мог поклясться, что теперь у ботаника тоже шел процесс заражения. А значит, такое происходило, скорее всего, повсеместно вокруг.

Девочка вдруг постучала ладошкой по спине Максима. Он слегка отстранился и вопросительно посмотрел на Танюшку. Пальчик маленькой руки показал в сторону поля за спиной у Ивернева.

Он обернулся и увидел двух людей, которые быстро бежали по прошлогодней пахоте в сторону заправки. Максим

поднялся и приложил руку козырьком к глазам. Видно было плохо, но неслись эти двое как ошпаренные. Убегают, что ли, от кого-то? Оружия было не видно. Но тем не менее больше подставляться Максим не собирался.

– Давайте в машину, и заблокируйте там двери. Андрей, проследи.

– Хорошо, – кивнул старший и подтолкнул к микроавтобусу Танюшку.

Бублик и Вадик уже трусцой рванули к дверям. Между прочим, пакет с едой прихватили с собою. Молодцы.

Максим встал широко расставив ноги на краю заправки. Дальше под небольшим уклоном вниз шло поле, по которому и неслись двое беглецов. Ивернев передёрнул цевьё дробовика. Кто его знает, что у этих товарищей было на уме. На комбайнёров, кстати, бегущие не походили, на деревенских – тоже. И уже можно было разглядеть, что одежда на них, хоть и модная, но смотрелась сильно потрёпанной.

Точно, опять эти поехавшие с катушек. Ветер донёс до ушей Ивернева отголоски плотоядного урчания. Максим тоскливо сжал оружие. Неслись эти уроды очень быстро и, что самое плохое, рядом и практически с одинаковой скоростью. Да ещё так, что чемпионы Олимпийских игр по бегу могли бы позавидовать – не чета тому медлительному дальнобойщику. И глазами сверлили фигуру Ивернева. Заводится и уезжать было уже поздно: эти двое могли добежать быстрее, чем выдавшая виды «Газель» расчихалась бы

и поехала. Скорость у бегунов была просто прекрасная, да и лететь сломя голову куда-то – тоже не очень хороший вариант. Следовало тщательно обдумать всё. С двумя такими же товарищами, как дальнбойщик, Ивернев при помощи дробовика планировал справиться без особых проблем.

Обращённый, который бежал на пару метров впереди, аж зубами прищёлкивал. Максим явно вызывал у него изрядный гастрономический интерес. Пальцы у него казались какие-то странные – с расширениями на конце. Он так усиленно своими руками-граблями махал, что не увидеть их было бы проблематично. Ярκο-красная кофта в каких-то неряшливых больших пятнах, о происхождении которых Ивернев даже догадываться не хотел. Шорты были напрочь замызганы отходами человеческого организма, словно их владелец и не думал утруждать себя самым ничтожным минимумом гигиены.

Далее за ним неслась женщина в таком же грязном и неприглядном виде с перекошенным от злобы и агрессии лицом. Икры на её ногах раздулись так, словно она с детства профессионально занималась лёгкой атлетикой. Да нет, даже сильнее – таких ног и у бегуний высокого класса не увидишь. Подранная майка бугрилась на предплечьях, обнажая мощную мускулатуру рук. Да женщина ли это была вообще? Уродина редкая: челюсть выпячена, лицо будто от неандертальца пересадили... У обоих бегущих не было обуви, и казалось, им явно наплевать на любые острые сучки или пучки

колких стеблей под ногами.

– Стоять! – Ивернев громко выкрикнул команду, поднимая дробовик и прижимая приклад к плечу, стараясь прицелиться как можно точнее.

Ответом ему было только урчание, которое слышалось уже довольно хорошо. До головного бегуна, вырвавшегося всё-таки вперёд в этой парочке, оставалось тридцать метров, но Ивернев не спешил жать на спуск. Во-первых, из такого дробовика только в упор работать. Уже на такой дистанции мелкая дробь полетит куда попало, и может не нанести нужного урона. Во-вторых, Максим уже убедился в живучести заражённых и их запредельно высоком болевом пороге. Здравый смысл подсказывал, что остаток мелкой дроби для этих бодрых ребят – весьма несерьёзная помеха. Надо подпустить поближе, хоть это и рискованно: иначе Максим просто выкинет в никуда два-три заряда, и потом в ближнем бою, когда потребуется значительная огневая мощь, а дробовик сможет показать себя во всей красе, случится конфуз. Щёлкать спуском в лицо злобно урчащего каннибала – перспектива так себе.

Двадцать метров. Максим встал поудобнее, чуть подался вперёд, как будто собирался отрабатывать стендовую стрельбу. Справа от него находился заправочный терминал – была возможность отступить за него и заставить нападающих кружить вокруг автоматов. Выиграть на этом можно полсекунды, но и это тоже кое-что. Бежать к магазинчику категориче-

ски нельзя. Там он будет, конечно, в большей безопасности, но уроды могут переключиться на детей в микроавтобусе и разбить окна. А тащить мальцов в магазин – себе дороже, Максим тогда будет связан по рукам и ногам. Да и времени на все эти трепыхания уже нет. Сейчас они у него под боком, на виду и в хоть каком-то, но укрытии. Жаль только, что вокруг большое пространство, а нападающих при этом двое. Мешать друг другу они не станут. Не клонирует же он себя на ходу, в самом деле. Так что придётся вступать в бой на короткой дистанции.

Сейчас останется пятнадцать метров. Уже лучше для мелкой дробы. Ивернев был уже готов для стрельбы, затаил дыхание и навёл прицел на живот бегущего впереди мужика. Эти уроды – безмозглые вообще, просто ломаются вперёд, как лоси по лесу. Палец выбрал слабинку спускового крючка.

Пятнадцать метров. Максим нажал на спуск и тут же потянул цевьё перезарядки резко на себя. Уже возвращая его в исходное положение, подкорректировал этой же рукой направление ствола. Попал. Попал в живот, но мужик лишь замедлился. Плохо.

Следующий выстрел попал чуть ниже, в бедро. Бегун споткнулся и полетел вперёд. В отличие от дальнобойщика, он не плюхнулся, как тюфяк, и не вспахал носом землю, а лишь приземлился плавно на руки и тут же начал подниматься, кренясь на поврежденную сторону. В его утробном урчании слышалась уже откровенная ярость. И всё же это был успех,

пусть и маленький. Теперь разрыв между двумя нападающими, рассудил Максим, станет намного больше. По одному должно получиться разобраться с ними – и никак иначе, хоть ценой жизни. В «Газели» четверо детей. Права на ошибку попросту не было.

Два выстрела подарили дамочке лишний десяток метров, и Ивернев даже на мгновение пожалел, что не начал стрелять в неё первой. Мускулатура у неё была как у развитого мужика, на голове виднелись какие-то застывшие ошмётки, похожие на наросты, и расположены они были отнюдь не в хаотичном порядке – будто бы лоб и брови покрылись полосами ороговевшей кожи.

Максим начал отступать, выдавая один за другим выстрелы в подбежавшую мадам. Первый порвал майку и живот бегунии, сильно замедлив её. Заряд мелкой дроби заставил атлетку согнуться пополам, но тут же продолжить движение. Второй выстрел угодил в плечо и чуть толкнул нападающую зомбачку. Даже туловище качнулось назад, и нога нелепо задралась, словно дамочка хотела перешагнуть какой-то барьер. Но, невзирая на все повреждения, она рвалась вперёд, а мужик за её спиной уже опять бежал к заправке, чуть прихрамывая.

Ивернев понял, что сейчас его просто снесут тараном и повалят на землю, а после эти активные ребята разорвут его на части – вон какие ногти, словно маленькие острые лопатки. Взгляд непроизвольно выцепил их, когда дамочка ре-

флекторно схватила за раненое плечо. На боль этим доморощенным статистам из постапокалиптических фильмов оказалось глубоко наплевать: реакция у них была совершенно дикая. Поэтому проверять, достаточно ли сил у парочки, чтобы забить его, Максиму не хотелось. Он закусил до боли губу и скорректировал прицел дробовика.

В голове мелькнула мысль, что сегодня он себе заработает на пожизненное, это точно. Но не умрёт, выкусите. Заряд мелкой дробы на скорости влетел прямо в оскаленное лицо каннибалки, превращая его в окончательно неприглядное зрелище. Второй выстрел пришёлся туда же, а последний патрон Максим подарил уже раненой ноге приближающегося мужика.

Нет, тут дело было не в милосердии. Просто раскачивающаяся походка превратила голову уроды в движущийся маятник – в такой целиться неудобно. А вот бедро мужика в момент припадания на ногу было отличной мишенью. Как только в стволе кончились патроны, Ивернев тут же отступил назад и вправо за терминал.

Дамочка завизжала на всю округу и схватила за лицо. Она споткнулась и, не справившись с инерцией, врезалась всем весом в железный кожух заправочного автомата. Раздался громкий гул, который тут же потонул в разъярённых визгах раненой. Именно раненой! При таких повреждениях вообще-то падают и теряют сознание, а после этого либо плавно отходят в мир иной, либо мгновенно отбрасывают

коньки. А здесь налицо была уникальная живучесть. Одно дело расквасить лицо дальнобойщику, другое – выпустить два заряда, пусть и мелкой дробью, но в упор из гладкоствола. А бегунья всё выла, прижимая обезображенные когтистые пальцы к лицу, по которому струились чёрно-красные потоки.

Ивернев торопливо нагружал камору приёмника болванчиками двенадцатого калибра. Раненый мужик гортанно заклокотал и из последних сил бросился на терминал, хлопнув по нему своими пятернями. Он было подтянулся на руках, решив просто перевалиться через тумбу, на которой темнело умершее вместе с электричеством табло. Однако Максим, не успевая послать последние два патрона в трубку магазина, просто размахнулся и с отрывистым отчаянным криком зарядил прикладом в переносицу уroda:

– На, сволочь паршивая! Акробаты недоделанные!

Он отчётливо услышал, как треснула кость, однако бегун даже не подумал выть от боли, лишь зарычал ещё громче и осел за терминал. После этого он неторопливо похромал вокруг него, обходя завывающую и медленно поднимающуюся с колен напарницу. Ивернев дощёлкал последний патрон, перезарядил дробовик, и уже ничтоже сумняшеся прижал его к плечу, вскидывая ствол на уровень головы уroda. Хлопнул выстрел.

У мужика подкосились ноги. Он сел на пятую точку и захрипел, заваливаясь набок. Максим сделал шаг навстречу и,

прицелившись в подставленный висок, всадил в него заряд дробин. Этому явно хватит – хромой засучил ногами абсолютно так же, как и дальнобойщик. Но верхняя часть туловища резко обмякла. Это у них было прямо семейное какое-то.

Однако Иверневу некогда было осматривать труп. Он тут же отпрыгнул за терминал, потому как атлетка уже встала и попыталась пробежаться вокруг стойки с заправочными пистолетами. Её единственный чудом уцелевший глаз бешено вращался на развороченном лице, наблюдая за Максимом. Губы порвало напроочь, по шее струились алые реки. А вот лоб пострадал на удивление слабо. Максим поймал себя на том, что снова зацепился взглядом за ороговевшие пластины, которые кое-где просто покорябало дробью. У неё что, местами кожа бронированная, что ли?

Дамочка попыталась сделать несколько быстрых шагов, но её занесло на повороте вокруг терминала. Похоже, дробь, выбившая глаз, проникла в черепную коробку и зацепила там что-то, повлияв на координацию зомбачки. Поняв, что гоняться вокруг терминала за жертвой бессмысленно, атлетка рванула между автоматом и тумбой, стараясь быстро проскользнуть между ними.

Вестибулярный аппарат снова подвёл нападавшую, и её повело. Урчащее чудовище споткнулось о бордюр и начало падать. Оно попыталось сделать рывок, чтобы дотянуться ногтями до Ивернева и проскочить между железяками.

Максим отскочил и вовремя остановился в желании на-

жать на спуск. Атлетка упала, зажатая между тумбой и автоматом, и тут же постаралась подняться и подтянуть себя на руках. Максим уже опустил дробовик, наставив ствол на лоб зомбачки – по-другому её уже нельзя было назвать.

Перед выстрелом чудовище поняло, что его деньки сочтены, и оскалилось в бессильной злобе, пристально глядя Иверневу прямо в глаза. Тот нажал на спуск. Дробовик выплюнул заряд картечи в лицо нападавшей: получите и распишитесь. Атлетка обмякла и в неловкой позе завалилась между тумбами терминала и заправщика, словно оплывая вниз по бордюру.

Для верности Максим выстрелил ещё раз, уже в затылок. Дробь разорвала немаленькую шишку на затылке девушки, которая раскрылась, словно дольки какого-то белого неприглядного и высушенного фрукта. После этого дамочка вдруг резко затихла и перестала двигаться. Лишь снова задрожали ноги, и после тело обмякло совсем, в точности как у дальнобойщика и бегуна. Только у первого шишка на затылке была меньше. Странно, вон и у мужика-бегуна тоже такая же позади наблюдалась.

Ивернев осмотрелся вокруг – нет ли где на горизонте ещё желающих разорвать его голыми руками. Ну как голыми – очень даже острые когти были у мадам. Жёлтые, твёрдые и все в сколах. Видно, ими приходилось много работать.

Он присел над убитой, досылая патроны в камору, и пригляделся к разорванной шишке. Внутри виднелась какая-то

труха омерзительного вида и несколько круглых шариков. Гадость редкостная. Максим аж скривился. Встал, ещё раз обвёл глазами вокруг, сжимая дробовик, и торопливо пошёл к микроавтобусу. Пора было отсюда убираться. Только зря время потратил, когда дальнобойщика с фурой отгонял. Эти явно уже были не люди, и он не похоронное агентство, чтобы разбираться ещё и с этими трупами. Теперь каждый сам за себя. Правда, у него так не получится – детей бросить он не сможет.

Максим залез на водительское сидение «Газели» и завёл двигатель, снова задумавшись.

Уже час у них отсутствовала связь. Вокруг творился сущий ад. Люди теряли человеческий облик и превращались под воздействием какой-то гадости в агрессивных, неуправляемых и устойчивых к боли уродов.

За последние минут двадцать он чуть дважды не помер и почти подверг детей смертельной опасности, пытаясь разыграть из себя спасителя всех и вся. Убил каннибала. Связал другого и оставил на пустой заправке. Убил ещё двоих нелюдей, по виду больше напоминавших зомби, чем заработал себе, наверное, на пожизненное, если вся эта канитель всплывёт, и он не докажет, что убитые превратились в хищных зверей. Они же вообще безоружные были.

Он разжился слабым дробовиком и несколькими десятками патронов, половина из которых этим инфицированным – как слону дробина, да к тому же уже потрачены. Нога оказа-

лась искусана до боли, и он до сих пор не знал, не заражён ли теперь сам. Вывод был только один – следовало двигаться туда, где возможно найти укрытие и адекватных не изменившихся люди. Неизвестно, каков процент переродившихся, но в городе их точно должно быть больше. Так что в центр города соваться не стоило – он не знал, что там сейчас происходит.

Однако на окраине были и военная часть, и учебно-тактический центр. И потому, решил Максим, в ту сторону всё равно придётся ехать за информацией и припасами, а ещё – чтобы определить детей в более безопасное место. И он делает что угодно, чтобы они не пропали.

Ивернев посмотрел на ребят через плечо, выруливая на дорогу:

– Едем в сторону города...

Глава 4

Филиал ада

Микроавтобус остановился сразу же, как только прошёл поворот и впереди в ста метрах показалось шоссе. Ивернев напряжённо вглядывался в сутолоку на дороге. Несколько человек стояли на четвереньках неподалёку от разбитого авто и копошились. Их согбенные спины были обращены к «Газели». Откачивают, что ли, кого?

Максим не спеша двинул авто вперёд. Теперь на коленях у него лежал небольшой дробовик. Это вселяло какую-никакую, но уверенность. Когда до троицы на дороге осталось метров пятьдесят, они практически синхронно обернулись на шум двигателя. Залитые алым лица красноречиво показывали, чем эти трое были заняты. Ивернев от неожиданности резко затормозил и тут же скомандовал детям:

– Так. Места заняли в салоне, как договаривались. Чтобы больше никого не видел тут. – Он кивнул на повёрнутые в салон три сидения за водителем, на которых устроились мальцы, чтобы наблюдать за происходящим через лобовое стекло.

Любопытные мордашки поспешили скрыться. Ага, проняло их. Таким и взрослого может накрыть так, что не пошевелится в ступоре; а тут детский организм. Правда, справед-

ливости ради следовало заметить, что у детей свои механизмы борьбы со стрессом. Вон Танюшка и Бублик крепко и без задних ног спали в середине салона. Отрубились они практически мгновенно. Проснутся – и по-любому набросятся на пакет с едой.

Ивернев успел лишь закинуть в себя пару остывших хот-догов из ограбленной им витрины на заправке. Теперь же, наблюдая картину прямо по курсу, он почувствовал непреодолимое желание освободиться от перевариваемой пищи. Да и общее самочувствие было такое, словно в голове, не переставая, играл целый симфонический оркестр: мозг словно раскалывался на части.

– Дядя Максим! – раздался голос Андрея.

– Да, Андрюх... – отозвался Ивернев, не сводя глаз с каннибалов и раздумывая.

– А это зомби, да?

Мальчишеский наивный вопрос в данном случае звучал не так уж и глупо. Всем понятно, что зомби бывают только в кинофильмах, комиксах и книжках. Между прочим, довольно популярный жанр был. Ивернев и сам между выездами в свою смену иногда посматривал на планшете пару сериалчиков на эту тему. Но то всё было кино. А тут в действительности часть людей подверглась странному изменению, и стала очень агрессивной, при этом теряя на некоторое время в скорости и сообразительности.

Максим бы и с тем дальнобойщиком расправился быстро

– да только по наивности ещё полагал, что удастся всё решить максимально бескровно, а габариты и вес были на стороне противника, да к тому же феноменальная живучесть и запредельный болевой порог. Колоти – не хочу, а он будет подъедать тебя. Живого. Бр-р-р.

Максима аж передёрнуло от омерзения. Когда противник – человек с автоматом и преогромнейшим желанием выжить и убить тебя, это одно. А когда безмозглый монстр – совсем другое. Тем не менее, пришлось отвечать на вопрос детдомовца:

– Не знаю, Андрюш. Честно говоря, я уже там, на заправке, и сам подумал об этом. Какие-то непрошибаемые товарищи.

– И людей едят! – добавил боязливо Вадик.

Ага, значит, увидели краем глаза картину в кабине грузовика. Вадик был подавлен и не спал. А значит, мысли об увиденном занимали его сейчас полностью. Это плохо. Следовало вытягивать мальчишку из такого состояния, хотя бы минимально.

– Вадик, тебе задание будет.

– Какое? – удивлённо округлил глаза десятилетка.

– С этого момента ты охраняешь Танюшку и Бублика и помогаешь Андрею. Они вон вырубались сейчас. Как проснутся – накормить и напоить. Будешь старшим по кухне, а ещё – сторожить авто, когда я буду уходить. Если, конечно, буду... – добавил Ивернев.

Андрей даже обиженно и шумно вздохнул, тут же возмущившись:

– А я на что? Я что, не могу посмотреть за этими?

– Будешь мне помогать, – вполне серьёзно проговорил Ивернев.

Четырнадцатилетка тут же успокоился. Оно и понятно – его, как телохранителя короля, приблизили к «царственной особе». За такую себя Максим не считал, но в глазах ребятни после произошедшей схватки он, несомненно, сейчас тот человек, которого надо слушаться, и кто является единственной надеждой на спасение. Это было видно по щенячьим глазам, которыми детдомовцы смотрели на него последние полчаса.

Вадик сосредоточенно насупился, как будто в его обязанности входил мозговой штурм, а не должность каптёра, и поглядывал на Бублика с Танюшкой. Ну и пусть. От Андрея сейчас стоило ждать больше толку. Ясное дело, что подросток меньше впечатлился, чем малыши. Дай волю Вадиду, и он бы просто забился, обняв колени, в угол и не вылезал бы оттуда до самой смерти.

Ивернев снова достал телефон. Похоже, теперь дорогой смартфон превратился в игрушку для раскалывания орехов, не больше: связи не было совсем. Однако была у Максима одна мысль. Он навёл камеру на троицу зомби, как он мысленно окрестил про себя пирующих обращённых, и сфотографировал их, увеличив зум. Вот так вот. Вдруг встретятся

знающие люди, пояснят, что за чертовщина тут происходит?

Ехать прямо на каннибалов и показывать отвратительную картину детям – не хотелось, и поэтому Максим свернул на обочину, и «Газель» запрыгала по скошенной лужайке, простиравшейся по краям от шоссе. Впрочем, как только Ивернев вырулил на нормальную дорогу, сердце у него непроизвольно сжалось. Вся она была заставлена врезавшимися друг в друга автомобилями. Большинство столкновений выглядели незначительными. Многие авто стояли на обочине – по видимому их водители, по здравому рассуждению, решили поступить так же, как и Максим – переждать туман. Где-то просто были безаварийные остановки на дорогах.

Нервничать заставило другое. Между машинами, на капотах, под колёсами, на обочине – везде валялось множество истерзанных тел. Некоторые из них представляли собой такое зрелище, что Максим тут же приказал детям не высываться и сесть на пол. Не стоит лишний раз демонстрировать мелюзге такую картину. «Газель», пофыркивая, медленно катила между автомобилями, кое-где съезжая с асфальта, чтобы обойти сплошной затор.

Вслед движущемуся автомобилю поворачивали головы медлительные мертвяки. Некоторые делали один-два шага навстречу или вслед, но затем останавливались, не в силах продолжать погоню.

Почему мертвяки? Да всё просто. Двое, например, щеголяли без явно не так давно оторванных правых рук. Гадать

над этой загадкой Иверневу никак не хотелось, как и интересоваться о причине такой потери у самих несчастных зомби. Вряд ли вопрос оценили бы по достоинству, а любопытного, скорее всего, попытались бы схарчить с большим аппетитом.

Неподалёку от ужасной аварии ползало тулово с обезображенной головой, перемещающее себя только с помощью рук – ноги были искалечены, словно по ним на скорости пронесли траки танка. С такими повреждениями не живут, если вовремя не оказать очень серьёзной медицинской помощи, да и в этом случае – вероятность летального исхода останется приличной. Зависит от многих факторов.

Максим однажды видел живого, по которому проскочили колёса БТР. Чудом выживший, тот человек остался на всю жизнь тяжёлым инвалидом. Но эти покалеченные зомби двигались. Пусть медленно, но двигались, на помощь не звали и не стонали. Напротив, они явно занимались удовлетворением первой биологической потребности – поиском пищи. И над всем этим стояла тишина, страшная тишина вымершего мира, нарушаемая только плотоядным урчанием.

И всё же Максима привлекло не это. Он внимательно прищелкнул к крыше одной легковушки. На ней в лучах солнца посверкивали края странной вмятины правильной формы. Ивернев чуть сбросил скорость, чтобы понять, не показалось ли ему.

Точно! След лапы чудовищного размера. Вон и крыша сама просела, словно на неё пару центнеров какого груза ски-

нули. Когти вмяли металл так, словно эта машина только что прибыла со съёмок фильма про динозавров.

Ивернев не припоминал ни одного хищника из ныне живущих, который бы обладал такого размера лапой. Еще один след был уже на капоте, потом на следующем авто. А вот и разорванная надвое крыша, причём она выгнулась внутрь, словно кто-то молотил по ней гигантским топором, стараясь развалить надвое. И надо сказать, получилось это у него замечательно.

Вокруг машины были разбросаны свежие кости с остатками плоти на них, повсюду виднелись лужи крови, да так много, словно на шоссе вывезли мини-филиал скотобойни. Кстати, следующей в полукилометре находилась именно она: грузовик со свинофермы перевернулся и пропахал метров двадцать грунта, оставляя за собой крупные борозды. Мертвяки, абсолютно не обращая внимания на льющуюся из тягача и баков соляру, облепили прицеп и копошились в бурых лужах, быстро впитывающихся в землю.

Ужасное зрелище. Максим мысленно похвалил себя за то, что дал команду детям сидеть на полу «Газели» и не выглядывать наружу. Андрей было попытался пару раз вытянуть шею, чтобы увидеть, что происходит за бортом, но Ивернев тут же отчитал его.

При виде скотобойни Ивернев добавил газу, урывками рассматривая мерзкую картину. Вдруг там, в глубине прицепа, сидит эта тварь, которая скачет по машинам, оставляя

на них гигантские следы, и разрывает крыши надвое? Что-то ему подсказывало, что дробовик, лежащий у него на коленях, не справится с подобной напастью. Скорость у неведомого «динозавра» была явно большая. Размеры? Да поболее медведя. А у Максима имелись только травматические патроны да мелкая дробь, которая сейчас и была заряжена. И всё равно он снял ствол с предохранителя: нечего упрощать жизнь возможному агрессору.

Статистика говорила сама за себя: чем ближе к городу – тем больше было обращённых; и ни одного нормального, такого, как Ивернев с детьми. Хотя, судя по происходящему вокруг, они либо сбежали, либо стали жертвами превратившихся мертвяков. А ещё горизонт очень смущал Максима. Дело в том, что по спидометру он должен был уже давно быть на окраине родного города, но постройки виднелись вдалеке, и кое-каких характерных строений Ивернев просто-напросто не видел!

Не было длинной высокой телевышки. Кстати, вон и провода свисали оборванные на линии. Теперь становилось понятно, почему на заправке не было сигнала и на обычном телефоне. Не было в поле зрения и больших труб хлебозавода. Да и корпуса его раньше всегда были видны издали, а тут – какой-то многоэтажный массив, которого сроду не было в этой части родного города Максима. Ивернев совершенно точно помнил: ничего похожего в его городке не строили в последнее время.

«Газель» выехала на возвышенность, и Ивернев наконец-то увидел вдали знакомый населённый пункт: прилегающее к городу село, которое находилось сразу за мостом через небольшую реку, окаймлявшую пригород. Сливающиеся в единую массу остроносые многочисленные крыши коттеджей виднелись где-то очень далеко справа.

Максим, недолго думая, свернул именно туда. Во-первых, сейчас должна была пойти старая и разбитая дорога, по которой редко ездят, а значит, и мертвяков там должно быть меньше. Во-вторых, там жил кое-кто из давних хороших друзей Ивернева, а у них можно было разжиться кое-чем очень нужным. Да и если с другом всё хорошо – это была бы большая удача. Вдвоём – оно ж намного проще.

Действительно, на этой дороге оказалось значительно меньше автомобилей. Мертвяки попадались реже, и были более «чистенькими», чем их собратья на шоссе из-за отсутствия жертв. Некоторые так же, как и их «коллеги», пытались дёрнуться вслед за автомобилем, но тут же теряли интерес, понимая, что не догонят.

Дорога пошла вниз и начала извиваться. По краям постепенно вырастала покрытая газоном насыпь – впереди должен был быть уклон посильнее, затем мост, а потом снова подъём вверх. Однако через полсотни метров Ивернев сбросил скорость.

Навстречу ему из ответвления шоссе вынеслась шикарная иномарка с тонированными стёклами. Они были настолько

сильно закатаны, что за ними нельзя было разглядеть даже силуэта водителя. Слева и справа была насыпь – сворачивать было уже поздно. Максим просто остановился и слегка пригнулся. Руки сами взяли дробовик в руки. Голос зазвучал на удивление резко и бодро, несмотря на раскалывающуюся голову и общее подавленное состояние организма:

– Всем лечь на пол. Живо! Никаких звуков. Что бы ни случилось – не вставать, пока не скажу, и не двигаться.

Кто его знает, что на этом изменившемся клочке мира сейчас происходит. Может, за рулём иномарки псих, почувствовавший безнаказанность, а может, мародёры. Ивернев дал зарок быть осторожнее при встрече с любым человеком. Масштабные чрезвычайные ситуации всегда показывают человеческое нутро, и вся шваль неизбежно начинает поднимать голову.

Иномарка тем временем начала тормозить. Боковое стекло на дверце водителя поехало, как показалось Максиму, вниз. Впрочем, под таким углом рассмотреть подобное было тяжело. Высунувшаяся и машущая рука стала подтверждением догадки. Водитель вроде бы не собирался становиться поперек пути «Газели», да и, судя по всему, выказывал дружелюбие. Полегчало? Да как бы не так! Вот не было желания у Ивернева верить сейчас первому встречному.

Тонированная легковушка затормозила около микроавтобуса, и из окошка высунулся парень, по возрасту – лет двадцати пяти, в дорожной яркой рубашке:

– Слушай, дружище, ты не в курсе, что со связью? И что вообще за бардак творится тут? На меня какие-то зомбаки напали, я в афиге просто! Еле укатил от них. Какой-то шибко прыткий мне багажник помял. Ты откуда едешь? Из города? Как там сейчас?

Множество вопросов посыпалось на Максима с пулемётной частотой.

– В город не советую. Чем ближе к нему, тем больше этих вот... обращённых... – ответил он.

– Кого? – не понял водитель иномарки.

– Ну, зомбаков, как ты их назвал, – пояснил Максим.

– А они что, разве не зомбаки? – даже удивился субъект.

А ничего он так, быстро свыкся с мыслью о восставших мертвецах, словно всю жизнь на них смотрел. Вот что значит сила информационного общества: проще поверить в зомби, чем в какую-нибудь новую техническую приблуду.

– Да не знаю я, кто они такие. Но один чуть не сожрал меня, еле ноги унёс! – поделился Максим, не вдаваясь в подробности того, что именно произошло на злополучной заправке, и добавил: – Связи нет. Ни одной палочки на телефоне. И с проводного телефона никуда не смог дозвониться.

– С чего?

– С проводного телефона. Ну, вертушка... Крутилка... – изобразил Максим жест пальцем по кругу, будто набирал номер.

– А, этот, – хмыкнул паренёк, явно считая обычный теле-

фон чем-то архаичным и ненужным в современной жизни.

Затем он кивнул на Максима:

– А ты чего за дверью-то согнулся?

– Да кто же тебя знает, кто ты таков? – честно ответил Ивернев.

– Да ну! Зачем кому-то твоё ведро? – искренне изумился водитель блатной тачки, а затем, секунду подумав, решил: – Всё же в город прокачусь. Разузнаю, как да что?

– Города-то нашего уже нет, – как-то невпопад ляпнул Ивернев.

– Как нет? – изумился собеседник.

– Ну так – нет. Другой там какой-то город. Вышки нет, хлебозавода нет, жилой массив какой-то незнакомый.

Парень прищурился и посмотрел на Максима внимательно, словно силясь увидеть в его лице что-то понятное только ему одному, а потом вдруг поднял ладонь и попрощался:

– Ладно, бывай, мужик. Мы поехали.

Затем он обернулся куда-то в салон, и до Ивернева долетело приглушённое и тихое:

– Под кайфом, что ли, или шуганули сильно мужика. Трясётся чего-то от всего подряд. Ничего, не кипишуй, детка, прорвёмся, отсидимся. Погнали домой. Там у меня ружьё есть...

Двигатель иномарки борзо взревел не одной сотней лошадей, и окончания разговора Максим не услышал. Ну что же, погнали так погнали. Ему с этими самоубийцами явно не по

пути, а тратить время на разговоры, если никто не хочет тебя слушать – не нужно. Как говорится в притче, пока осёл сам пить не захочет – его не заставишь, хоть в воду заведи. Жестоко? Да. Но у Ивернева своя забота. Надо доехать до посёлка и поискать Серёгу, разжиться у него всем необходимым, найти детям безопасное место, где они будут под присмотром взрослых...

Хм... А тут поправочка – под присмотром нормальных взрослых. Не ворчащих и не урчащих при виде живого человека, не рассматривающих его в гастрономических интересах. А после того, как будет найдено такое место – уже тогда он и сам предпримет вылазку поближе к городу. Будет желательно добраться до квартиры Карины: не дело её оставлять там одну. Но и ломиться сейчас через толпы зомби всего с парой десятков патронов на косо́й дробовик – чистой воды самоубийство. И ладно бы он был один, но ведь такой сценарий развития событий предполагал и смерть доверенных ему детей. Одни они явно долго не протянут. Старшему из четвёрки детдомовцев четырнадцать, младшей семь. Какие тут могут быть шансы?

Желудок надрывался и просился наружу, и жажда колотила так, что Максим сейчас реку бы выпил, наверное. Голова раскалывалась, словно по ней долбанули чугунной сковородой. В руках и в ногах чувствовалась слабость, покусанную икру жгло. Кстати, это была ещё одна проблема: вдруг такое дерьмовое состояние организма – последствие укуса и Мак-

сим сейчас медленно превращался в урчащую тварь?

Определённо требовалось найти кого-то адекватного и желательно при оружии. Не хотелось в какой-то момент пустить их тарантас под откос из-за того, что водитель вырубился, или просто напасть на детей. И Андрей ещё тут со своими зомби: на разодранную штанину поглядывает. Наверное, тоже думает, что Максим заражён. Только выбора у него пока нет, Ивернев – их единственная надежда.

– Отбой тревоги, можете размять кости. Но чуть что, сразу на пол, – всё равно проинструктировал подопечных Максим.

Дети начали подниматься на ноги, рассаживаясь по сидениям. Вид у них был понурый. Танюшка вообще ушла в себя, Бублик выглядел более-менее нормально, вертел головой по сторонам и хлопал сонными глазами – ещё не успел оклеветаться от глубокого сна после моральных испытаний. Похоже, он лучше всех перенёс стресс либо в силу природной глуповатости, в чём Ивернев уже убедился, наблюдая за молодёжью в салоне, либо из-за повышенной саморегуляции организма. Однако подобные вещи имеют свою обратную сторону: такой, если испугается, будет бежать так, что угодит в ловушку куда хуже той, из которой убегал.

– Вадик, – позвал Максим их «каптёра».

– Да, дядь Максим! – тут же отозвался малец.

– Дай мне воды, пожалуйста. Есть хотите?

– Хотим, – решительно ответил за всех Бублик.

– Вадик, выдай по хот-догу каждому и по паре пирожков.

С чем они там?

– С капустой, – зашуршал пакетом «каптёр».

– С капустой я не люблю, – скривился Бублик.

– Других пока нет, – пожал плечами Ивернев, не видя смысла заводить спор и в чём-то убеждать пухленького члена их команды. Голод не тётка, есть захочет – и с капустой пирожки слопает.

Все разобрали еду, заботливо розданную Вадиком. Он было сунул хот-дог и Максиму, но тот лишь отмахнулся:

– Не надо. Не лезет сейчас кусок в горло. Воды только дай... Ага, спасибо!

Ивернев высосал в один присест полулитровую бутылку минералки до состояния сморщенного пластика. Немного полегчало, но ощущение, будто изнутри всё жгло, не уходило. На лбу выступил пот – это в осеннюю-то погоду, в лёгкой куртке. Максим постарался отогнать от себя плохие мысли о заражении и решительно взялся за баранку. Требовалось двигаться. Возможно, у него было мало времени.

Глава 5

Засада

Через десять минут езды по пустынной дороге и однообразного пейзажа из брошенных машин и топчущихся на пустом пространстве одиноких мертвяков Ивернев сбавил скорость, ошарашенно рассматривая представшую перед ним картину.

Нормальное покрытие дороги резко перешло в разбитую, всю в рытвинах бетонку, а вокруг неё обильно рос бурьян. Да такой, что над ним можно было осмотреться только из окна приподнятого микроавтобуса.

Прямо за зарослями виднелись старые деревянные хаты, половина из которых явно была нежилой. За одной торчал гнилой остов трактора, и пока что это было единственное средство передвижения в поле зрения.

Почему Максим затормозил? А не должно было тут быть этой деревеньки, и дороги такой не должно было быть. До самого посёлка, где жил Серёга, вела пустая трасса с редкими постройками, но построена она была в прошлом году. А тут – бетонка и совершенно незнакомый населённый пункт, который просто-напросто из ниоткуда появился посреди пути в посёлок. Да ещё и такое ощущение создавалось, будто его покинули лет десять назад абсолютно все жители, и оста-

лась пара бабушек.

Бывают же такие хутора, где вместе доживают свой век несколько ещё помнящих войну бабуль. Они и держатся друг за друга. Единственное развлечение у них – посидеть на лавочке да прибраться в доме и на дворе, насколько позволяют силы. И уходят на тот свет они вместе, одна за другой, потому как одной оставаться никому из них уже не хочется.

Это селение было явно из таких. И всё же Ивернев был на все сто процентов уверен, что ничего такого тут быть не должно. Впрочем, он тут же вспомнил про незнакомый жилой массив и отсутствие вышки с заводом. Такое ощущение, что его район «бомбили» зданиями, аккуратно изменяя ландшафт. Но кому это вообще надо? И как такое возможно повернуть за один-два часа? Сюрреализм какой-то.

Ивернев двинул «Газель» вперёд и вскоре увидел за длинными и густыми стеблями крышу приземистого автомобиля, выкрашенную в камуфляжный цвет. Кстати, камуфляж был такой, будто рисовали чётко под окружающую траву. Хозяйева в любом случае неподалёку; если они бродят и урчат в поисках человечины – плохо, но не опасно.

Такой вывод Максим сделал из того, что давешний дальнобойщик даже и не подумал воспользоваться своим дробовиком. Если же военные рядом и в добром здравии – это хорошо. Всё-таки вряд ли за пару часов из них выветрилось понятие долга, и не может быть, что за такой короткий срок они переквалифицировались в мародёров. Тем более брать

у Ивернева нечего.

Как только Максим обогнул заросшую лужайку, то тут же понял, что совершил ошибку. Первое, что бросилось в глаза, – такого авто он ни разу не видел, и не только в родных вооружённых силах, а вообще.

Конечно, Ивернев не имел в голове справочника военной техники, но всё же отметил для себя, что конструкция не похожа на любую известную ему армейскую машину. Более того, производство этого агрегата было явно кустарным. Наваренные листы стали по бокам и на капоте и решётки с зубцами на окнах создавали впечатление, что авто сошло с экранов фильма про постапокалипсис. Только гладкая крыша с откидным люком не имела никаких ухищрений, но зато на ней был чуть ли не самый толстый слой металла.

Вторым фактором, который подтверждал ошибку Максима, было то, что авто напрочь перегораживало проезд. По бокам дороги тянулись канавы с мутной и грязной водой, а за внедорожником-броневичком был виден железный ржавый настил. Судя по всему, это был единственный переезд через высохший и заросший ручей. Для пешего хода препятствие не являлось проблемой даже без мостика: просто замочить ноги максимум до голени да помесить грязную и вонючую тину. А вот «Газель» тут не проберётся – надо будет как-то объезжать или искать другой переезд, чтобы не воткнуться капотом в небольшую, но глубокую для машины канаву и не сесть там намертво.

Незнакомое авто явно намеренно перекрывало проезд: в то, что его оставили тут очень и очень давно, не верилось. Вон остались следы от покрышек, когда это чудо техники разворачивалось, чтобы загородить дорогу к мостику. Внутри – никого. Стёкла не тонированные, так что тут сомнений никаких нет, разве что кто-то под рулевой колонкой спрятался, что сомнительно. Тут либо разбивать стекло для стрельбы придётся, либо высовываться сбоку и палить через дверцу. Ивернев так делать бы не стал. При таких раскладах велик риск остаться внутри, если зажмут: чтобы покинуть машину, нужно затратить прилично времени. А если из гранатомёта жахнут? Так, это его куда-то не в ту степь понесло, решил Максим. Откуда тут вообще гранатомёт у кого-то?

Все эти мысли пронеслись у Ивернева в голове за доли секунды, и он тут же спешно стал выворачивать руль «Газели», когда раздался первый выстрел.

Крупная дробь бахнула переливчатым горохом по дверце пассажира рядом с водителем. Максим заметил вспышку краем глаза: вроде бы в окне второго дома.

– На пол! – заорал Ивернев детям и добавил: – Живо!

Те не заставили себя уговаривать и попадали на пыльный пол, как заправские пластуны. Бублик резко завсхлипывал, Вадик забился под сидение, Танюшка сжалась в комок и вообще спрятала лицо в ладони. Только Андрюха остался лежать, чуть прикрывая голову и вертя ею по всем сторонам, но в глазах у него виден был нехилый огонёк страха. Да ка-

кой там огонёк – целый пожар. Оно и понятно – вряд ли до этого дня по детям кто-то стрелял.

Тем временем дробь ударила с другой стороны. Ивернев почувствовал, как его предплечье сильно обожгло болью: похоже, одна из картечин прошла выше. Но свезло – в артерию или еще куда похуже не прилетело.

Он надавил на педаль, и тарантас, взревев от натуги, запрыгал, как сумасшедший, по зелёному мареву высокой травы в сторону домов. Нужно укрытие! Не в канаву же ехать – там стопроцентный голяк, просто завалятся на бок и будут колёсами в воздухе вертеть, пока из них решето не сделают. А здесь на дороге они как на ладони для неведомых мародёров или кто там решил позариться на какого-то проезжающего мужика на раздолбанной «Газели». Да зачем он им вообще нужен?

Максим нёсся вправо, так как ему показалось, что оттуда прилетел только первый выстрел. Теоретически, там мог быть только один стрелок. А вот по левой части микроавтобуса барабанило конкретно, что выглядело очень странно. Почему было не снять Ивернева первой же пулей? Стёкла-то у «Газели» обычные, прозрачные. Максим как на ладони виден был, стреляй – не хочу. Даже с такого расстояния можно нормально прицелиться и дать заряд мощной дроби: сразу не убьёт из-за расстояния, но покалечит так, что дальнейшее сопротивление будет невозможным. Либо нападающие – редкие мазилы, либо тут ещё что-то. И эта неизвестность

Иверневу совсем не нравилась.

Максим с силой сжал руль повреждённой рукой. Больно, но ни цепкость, ни сила конечности не пострадали, так что ранение, скорее всего, оказалось царапиной. Можно ещё побегать, а уже затем заняться самолечением, если он вообще останется жив. А пока в здоровой правой руке Ивернева очутился заряженный дробовик.

«Газель» качнуло, и снизу раздались два хлопка, прозвучавшие настолько быстро друг за другом, что практически слились в один, а затем под рыдваном раздалось характерное шуршание, свидетельствующее о том, что пробиты обе передние покрышки. Ещё хлопок. Четвёртого не последовало, но авто пошло юзом. Ивернев выпустил дробовик, уцепившись за рулевое колесо до белых костяшек на пальцах. Сейчас бы ещё перевернуться не хватало – перелом кому-нибудь будет обеспечен, сто процентов.

– Держитесь! – только и успел крикнуть детям Максим перед тем, как грудью налететь на рулевое колесо от почти лобового удара о старую бочку. Она каким-то чудом оказалась за углом ближайшего дома, куда неудержимо несло потерявшую управление «Газель». Или не чудом? Больно уже странно она стояла, неудобно для селян. С большой вероятностью её сюда специально поставили как дополнительный тормоз, если кто-то проскочит шипы.

В том, что именно они лежали в высокой траве, Ивернев не сомневался. Три пробитых колеса на ровном месте – несущ-

светная редкость. А когда по тебе перед этим выпалили из нескольких дробовиков – становится очевидно, что совпадений тут нет и быть не может.

Максим бросил короткий взгляд в салон. Вадик молча глотал слёзы, брызнувшие из глаз. Штанина разодрана, колено в крови: очевидно, стесал о стойку кресла. Танюшка совсем забилась в угол. Андрей весь в синяках – досталось парню. Лежал первым – вот и полетел между сидениями в проход. А в него следом прилетел Бублик, и из-за этого мальцу досталось меньше всего – хотя тоже руку потирает и кривится. Как бы у них переломов и вывихов не было. Вот же напасть! В одиночку Максим бы уже рванул со всей дури за канаву под прикрытием авто и, отстреливаясь, попытался бы оторваться. Но с детьми об этом и думать не стоило.

Надо было принимать бой и как можно быстрее покидать их тарантас: в нём просто накроют и расстреляют из окон или гранатами закидают. Вон три окна вылетело к чертям. Закинуть ребристый подарок не составит труда. Судя по их автомобилю, нападающие явно не просто грабаныли соседний магазин для охотников, где можно разжиться простым гладкостволом. Военный джип, пальба с двух сторон и точный расчёт того, что жертва не покатит в маленький обрыв, а будет уходить более безопасной стороной – и наедет на шипы.

Непонятно только, как это всё можно было прикинуть за два часа и выбрать позиции. Это ж надо экипироваться, вы-

ехать, всё подготовить; а сработали чётко и слаженно. Раз не стреляли в водителя и пустили на шипы – убивать не хотели. Значит, братъ, скорее всего, их будут живыми. Да тут всё было странным. В конце концов, не должно тут быть ни этого брошенного хутора, ни ручья, ни моста, ни бетонки, ни этих зарослей. И точка!

Ивернев открыл дверь, не дожидаясь, пока стрелки покажутся в поле зрения и тоже его увидят. Он вывалился в обнимку с дробовиком наружу, быстро прильнул к целику и повёл стволом из стороны в сторону. Попутно он успел вставить руку в самодельную петлю, которую сделал ещё на заправке из короткого ремешка, идущего в комплекте с дробовиком по его краю. Никого не было видно. Он рванул во круг дымящего капота микроавтобуса, пригибаясь как можно ниже:

– На выход! На выход!

Он бросил дробовик на петле и с силой толкнул отодвигающуюся дверцу:

– Ну! Быстрее же! Пригнулись! Пригнулись!

Бублик и Вадик выпали из авто и тут же сели на корточки, прижавшись к борту микроавтобуса. Вадик вообще повалился на колени, пытаясь закрыться руками полностью. Его колотила крупная дрожь. Бублик, напротив, вытянул голову, как гусак, и вертел ею из стороны в сторону, будто это помогло бы ему разглядеть опасность и вовремя среагировать – за что получил лёгкий, но ощутимый шлепок по затылку.

– Пригнись, сказал, – угрожающе рявкнул Ивернев. – Сейчас как прилетит, не дай бог!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.